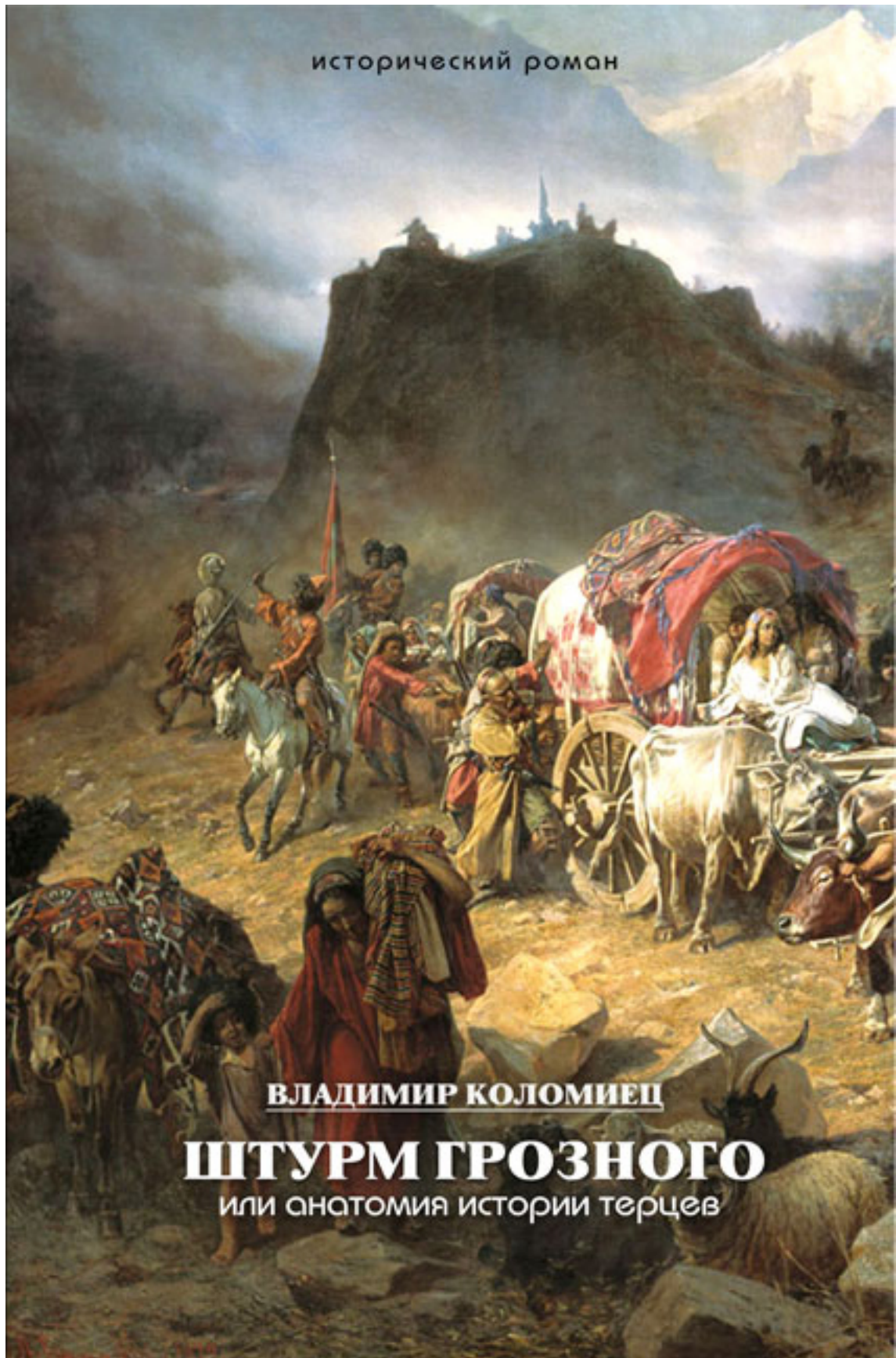

исторический роман

ВЛАДИМИР КОЛОМИЕЦ

ШТУРМ ГРОЗНОГО

или анатомия истории терцев

Владимир Коломиец

Штурм Грозного.
Анатомия истории терцев

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2011

УДК 82.32
ББК 84 (2 Рос)6

Коломиец В.

Штурм Грозного. Анатомия истории терцев / В. Коломиец —
Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2011

ISBN 978-5-903463-51-0

Новый остросюжетный исторический роман Владимира Коломийца посвящен ранней истории терцев – славянского населения Северного Кавказа. Через увлекательный сюжет автор рисует подлинную историю терского казачества, о которой немного известно широкой аудитории. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 82.32
ББК 84 (2 Рос)6

ISBN 978-5-903463-51-0

© Коломиец В., 2011
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2011

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	12
Глава I	12
Глава II	15
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	24
Глава VI	28
Глава VII	32
Часть вторая	36
Глава I	36
Глава II	42
Глава III	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Коломиец

Штурм Грозного. Анатомия истории терцев

Штрихи истории и страницы жизни славянского старожильческого населения на Северном Кавказе – терских казаков (самоназвание – терцы)

Вместо пролога

О, время, время! Остановись хотя бы на миг. Как нужна нам эта остановка, чтобы оглянуться назад и обозреть твое течение в человеческой истории и памяти. Но ты неумолимо, и стремителен твой бег. Нарастающие познания в современном мире обрисовывают тончайшую взаимосвязь, обусловленность кажущихся различными явлений мира и жизни. Всеобщее переплетение отдаленных случайностей, вырастающее в необходимость, то есть в законы природы, пожалуй, самое важное прозрение современного человека.

В человеческом существовании незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или иные случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь, влекущую за собой попавшие в ее орбиту человеческие жизни. Мы, не зная достаточно глубоко причинную связь, не понимая истинных мотивов, называем это судьбой.

Но если проследить всю цепь, а затем распутать начальные ее нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой.

Наши великие предки оставили нам могучую державу. Они умели являть миру силу, мощь, величие и благородство. Каждый клочок нашей державной земли обильно и не один раз полит потом и кровью. Никакой другой народ так не сумел соединить плуг с мечом, труд землепашцев с обязательным для всех воинским долгом.

В какой стране и в какую эпоху мы найдем явление, подобное казачеству? В нем природой и Богом заложены уникальные биоэнергетические и генетические возможности не только для проявления духовного потенциала, но и для самосохранения и выживания.

Несмотря на огромные жизненные сложности и превратности судьбы, казаки не исчезли с этнографической карты человечества. Их репрессировали, но не сломили морально. В этом их духовная и нравственная крепость.

Происходящие в нашем обществе процессы, вызвавшие бурный рост самосознания, ощущения своей самобытности, неповторимости, не обошли стороной и потомков терских казаков, история появления которых на Кавказе уходит в глубь веков. Без прошлого нет будущего. Прошлое с нами, оно внутри нас. Ради будущего мы и осознаем себя.

Любой из нас, на свой срок становясь участником жизни, проходит в ней неповторимый путь, приобретает сугубо индивидуальный опыт, представляющий, однако, интерес и для других, потому что сила людей, их вера в будущее основывается на опыте каждого, на том самом ценном, что, слагаясь, формирует человеческую память, передается из поколения в поколение и становится опытом историческим.

Между всеми людьми, событиями и временами существует какая-то таинственная связь. И дело не только в том, что нас, естественно, не было бы, если б не жили наши неведомые прямые прародители, и мы были бы совсем иными, не пронеси они на своих плечах груз, что выпал на их долю. Отношением к жизни и особенностями поведения, памятью сердца и рассудка, складом умов и характеров отзываются в нас события, участниками или свидетелями которых были даже отдаленные наши предки.

Все зависит от всего. Если мы – порождение живших до нас и всего, что было, то и те, кто будет жить после, зачислят нас в череду своих пращуров. На потомках наших скажется то, чем и как жили мы и, быть может, то, что несут люди ныне, облегчит их ношу, и они, далекие наши незнакомцы, хоть в малой степени, будут обязаны сегодняшнему и сегодняшним, каждое мгновение которых пронизывает те же связующие волны – незримые, едва улавливаемые и реальные, осязаемые.

Каждая жизнь неповторима как отдельность и в то же время вечна или, во всяком случае, долговечна, как протянутая в будущее цепь сменяющих друг друга и нарождающихся вновь и вновь индивидов, как бегущие ряды вздымающихся и падающих волн одной и той же волны.

Что же такое будущее?

Чтобы ответить на этот вроде бы простой вопрос и понять, каким будет завтрашний день, сперва надо прояснить гораздо более важный момент – каков день сегодняшней. Ведь не секрет, что любое событие прорастает из настоящего, уходя корнями в прошлое. Как не бывает ни одного действия без причины, так и ни одно событие будущего не произойдет само по себе, и обязательно будет иметь свои истоки в сегодняшнем или вчерашнем дне. Так всегда было и будет: и для войн, и для революций, и для любых других перемен обязательно должна быть готова почва. Это уже потом пристрастные и не слишком историки будут старательно доказывать, что, мол, не было никаких причин для революции, все в стране было расчудесно и справедливо, но «тупое неблагодарное быдло» почему-то вдруг соблазнилось и взялось за оружие. Действительно, не было никаких причин, разве что народ вечно обворовывали и держали за это самое «тупое быдло».

И с войнами ситуация аналогичная – как правило, они возникают на почве того, что правители одного государства желают усилить и расширить пьянящую их власть, а заодно и пополнить казну за счет неподвластных им территорий. Правда и то, что одного желания здесь мало, сперва нужно старательно сеять вражду, долго провоцировать противную сторону, использовать и раздувать накопившиеся противоречия, как, скажем, различие идеологий или религиозных воззрений. Посмотрите на чинные и благородные лица современных «правителей», влияющих на судьбы мира – вот уж где в глазах нет предела благородству и честности. Но это в глазах, а на деле идут войны, провоцируются международные или внутренние конфликты, сильные оказывают давление на слабых, а как послушаешь, то получается, что чуть ли не сам Господь Бог их просит все это творить.

Говоря о судьбе, о предопределенности, мы соглашаемся с тем, что в мире правят совершенно определенные законы. Однако, с другой стороны, вместе со строгими закономерностями, по определению ученых, в нашей жизни действует еще один важнейший закон – это закон свободной воли. Именно свободная воля позволяет нам в некоторой степени изменять мир, обогащать его какими-то новыми качествами, двигая эволюцию вперед.

Не собираясь вдаваться в детали и тонкости этих интереснейших механизмов, давайте сравним этот закон с бурной рекой, по которой сплавляется лодка.

Только представьте себе: человек на лодке, повинувшись течению, плывет в одном и том же направлении. Русло достаточно широкое, и в его пределах он волен лавировать, подплывая ближе то к одному берегу, то к другому или же стараясь удержаться ровнехонько на середине потока.

Течение реки, ее русло – это судьба, во многом определяющая нашу жизнь, маневры лодки – свобода выбора в ее пределах. Однако как быть, когда впереди намечается опасность: русло резко сужается и пройти можно только в одном-единственном месте, в то время как вокруг – коряги и подводные камни? И тут свобода лавирования сводится к двум вариантам: либо лодка пройдет, либо же увы... Звучит: «либо – либо». То есть будущее зависит от нас самих, а потому даже «Небо» едва ли может однозначно предсказать результат, оно может только вдохновлять, воодушевлять и направлять нас.

Судьба щедра в своих действиях. Но закон о свободном выборе человека говорит нам, что многое зависит от нас самих. Дорога, по которой ведет нас сама Жизнь и сама Судьба – это направление. Да, это направление нельзя повернуть вспять, но известно ведь, что по дороге можно и петлять, и искать обходные пути, можно даже пробовать нарушить вечные законы жизни, помня назидания апостола Павла в «Послании Коринфянам»: «Все мне позволительно, но не все полезно».

Вода в реке никогда не бежит прямо, а образует в своем движении всякие водовороты, встречные течения, застойные заводи и так далее, а потому далеко не всегда возможно просчитать путь каждой отдельной капли или струи, хотя все равно путь целой реки известен и неумолим.

Человек же и вовсе не щепка на волнах, и потому в той или иной степени волен изменять свою судьбу. Вот только хорошо бы при этом иметь глаза, чтобы в своем поиске не биться лбом обо все острые углы, а обходить их, как это положено нормальному зрячему человеку. И в первую очередь для этого надо знать хотя бы общее направление этой могучей реки, которая течет на земле уже многие миллионы лет.

199... год. Во Владикавказе, столице Северной Осетии – Алании, проходил Совет атаманов Терского казачьего войска. Обсуждался вопрос о положении на Северном Кавказе.

Последние события в Чечне в очередной раз заставили задуматься казаков о страшной трагедии, которая разыгрывалась на ее территории.

– Тысячи людей изгнаны со своих родных мест, их имущество разграблено, дома захвачены, есть много убитых и раненых, – делал сообщение атаман войска, – в горских селениях даже появились русские рабы.

– Что же остается делать нам, казакам? – задал кто-то вопрос.

– Надо потребовать от Правительства обратить самое серьезное внимание на положение, складывающееся в Северо-Кавказском регионе, – продолжал атаман. – Это же открытый геноцид и террор по отношению к казакам и русскоязычному населению. В Чечне надо срочно навести конституционный порядок.

– Необходим закон «О местной самообороне», – предложил один из атаманов.

– Правильно, – поддержали его другие. – Заслон на пути к разграблению ценностей региона, угона скота и техники в Чечне, хищения людей и превращения их в рабов на территории Чечни должен поставить именно закон, по которому бы отряды местной обороны, вооруженные современным боевым оружием, могли его применить к нападающим или застигнутым на месте преступления, или оказывающим вооруженное сопротивление.

– Надо ходатайствовать перед командованием Северо-Кавказского военного округа о создании казачьих батальонов, которые бы защитили станицы, расположенные по Тереку, от посягательств бандитов, – предложил казачий старейшина.

– Логично, – поддержали его атаманы. – Только крутыми и жесткими мерами можно охладить всплеск грабежей и насилий.

– Хотя лучше бы без оружия на Северном Кавказе воцарился мир, – продолжил старейшина. – Война – это гибельный путь. Ну, перебьем мы друг друга, разорим все до основания, а дальше что? Свято место пусто не бывает. Опустошенные города и веси займет третья сила. Именно та, которая и раздула зародившийся после развала СССР шовинистический уголек, посчитав, что пришло ее время.

– Вот и надо не дать закрепиться в Чечне международным и местным террористам, разворошить змеиные гнезда ваххабизма и уничтожить их, – заметил один из атаманов. – Жаль, что в коридорах власти в настоящее время находятся влиятельные люди, которые не так, как хотелось бы русским, казакам, решают жизненные вопросы государства, судьбы народов Северного Кавказа. Куда они нас ведут – не ясно. Но это так.

Слово снова взял атаман войска.

– Если государство даст возможность казакам мирно и спокойно жить в своих станицах, соседствуя с другими рядом живущими народами, то такое государство, такая власть только выиграет. Ибо они получают законопослушных граждан на своей территории и стабильность, – сказал он.

– Это уж точно, – поддержали его атаманы, а он продолжил:

– Казаки везде, где они проживали, являлись гарантом мирного совместного проживания различных народов. А здесь, на Кавказе, эти функции казачества проявлялись всегда наиболее ярко и отчетливо. Ведь вспомните: до 1917 года межнациональных столкновений на Северном Кавказе почти не было. После расказачивания, с утратой этого гаранта стабильности, в бывшем СССР в различных местах периодически возникали очаги напряженности и даже вооруженные конфликты.

– Конечно, здесь нужна продуманная политика, но как показывают события, в Москве, в основном, учитываются лишь национальные интересы титульных народов, скажем так, а русские – казаки – на втором плане.

– Собственно, это продолжение той политики, которая сложилась после гражданской войны. Чечено-Ингушская республика была создана в благодарность чеченцам и ингушам за то, что они поддержали Советскую власть, а казаки, как известно, разделились на красных и белых.

Дальше разговор перешел на внутриказацкие проблемы.

– На нынешнем этапе надо добиться изменения отношения к казачеству как у людей, проживающих рядом с казаками, так и у руководителей республик, – высказался один из атаманов.

– А как? – спросили у него сразу несколько человек.

– Доказать, что образ казака-нагаечника был искусственно создан с целью стравить людей, привить одним ненависть к другим, – отвечал тот же атаман.

– Действительно, казак испокон веков был труженик, созидатель, землепашец, прежде всего, – поддержали его остальные. – И всегда верный защитник своего Отечества.

Слово вновь взял атаман войска.

– Прошло пять лет, но мы многое сделали для возрождения казачества на Тереке, – как бы подытоживая разговор, сказал он. – Найдены и привлечены к делу возрождения и становления казачества люди, в душе которых жива слава их дедов, еще не угасла любовь к своему прошлому, которые всеми силами стараются возродить свой исторический уклад жизни, свою культуру.

– И пусть не смеются недоброжелатели, – продолжал он, – папахи, черкески и плетки это не цирковая клоунада, а душевное стремление в рамках дозволенного законом выразить свою приверженность и причастность к памяти своих отцов и дедов.

– Любо! – дружно поддержали его казаки.

– Да, для решения всех возникающих проблем есть только один путь – мирный, конституционный, – спокойно подчеркнул он, – но незаконному вооруженному притеснению казаков, с чьей бы стороны подобные попытки ни исходили, мы должны противопоставить самые жесткие адекватные меры. Верно я говорю?

– Любо! – вновь раздалось дружное одобрение.

Постановили: «Принять Обращение к Президенту РФ “О наведении Конституционного порядка в Чечне” и выйти с ходатайством к командованию Северо-Кавказского военного округа о целесообразности комплектования казачьих батальонов для защиты казачьих станиц, расположенных по Тереку и Сунже».

Сделали перерыв. Но в холле разговор продолжился.

– Казаки нашего отдела обнаружили на отмелях Каспия две шаланды, – сообщил собравшимся возле него атаман Кизлярского отдела.

– Наверное, с военного времени? – спросили его.

– Да нет, говорят, старинные, персидские.

– И что же в них интересного нашли? – поинтересовались собеседники.

– Многого не знаю, но говорят, что лодки были с драгоценностями. И хотя их самих нашли немного, ящики, сейфы подтверждают, что драгоценности были солидные.

– А не те ли это суда, что были разграблены в бытность Главнначальствующим здесь Павла Сергеевича Потемкина? – спросил один из присутствующих.

– Да, эта молва издавна известна среди гребенцов, – вступил в разговор атаман станицы Червленной Щедрин. – То ли быль это была, то ли легенда, но говорили, что, чтобы скрыть свою связь с персидскими принцами, П. С. Потемкин приказал их суда потопить, а драгоценности, которые один из принцев вез на них, он забрал себе.

– И быстрый уход его с этой должности якобы тоже был связан с этим делом, – заметил атаман станицы Гладковской.

– Чего не знаю, того не знаю, – отшутился Кизлярский атаман, продолжая отвечать на вопросы.

– А где теперь эти ценности, что подняли казаки? – спросили его.

– Людей, что везли их в Махачкалу, ограбили в пути чеченские боевики, и где они теперь – неизвестно.

– Так что ученые не успели и взглянуть на эти вещи?

– Конечно, нет.

– А жаль. Много еще хранит тайн седая старина, – заметил казачий старейшина. – Взять хотя бы, а когда появились казаки – и на Тереке в частности, правда?

– А действительно, откуда все же пришли на Терек первые казаки, – спросил кто-то, на что ему тут же ответили:

– Моздокцы, владикавказцы и сунженцы знают, а вот по гребенцам идут споры. Многие склоняются, что из рязанцев, а вот точное время установить даже ученые затрудняются. А сами они еще в старые времена говорили: «Весьма от давних лет по Тереку реки жительство свое имели, а каким случаем, по указу иль без указу, при котором государе сначала поселились, того за давностью сказать не можем».

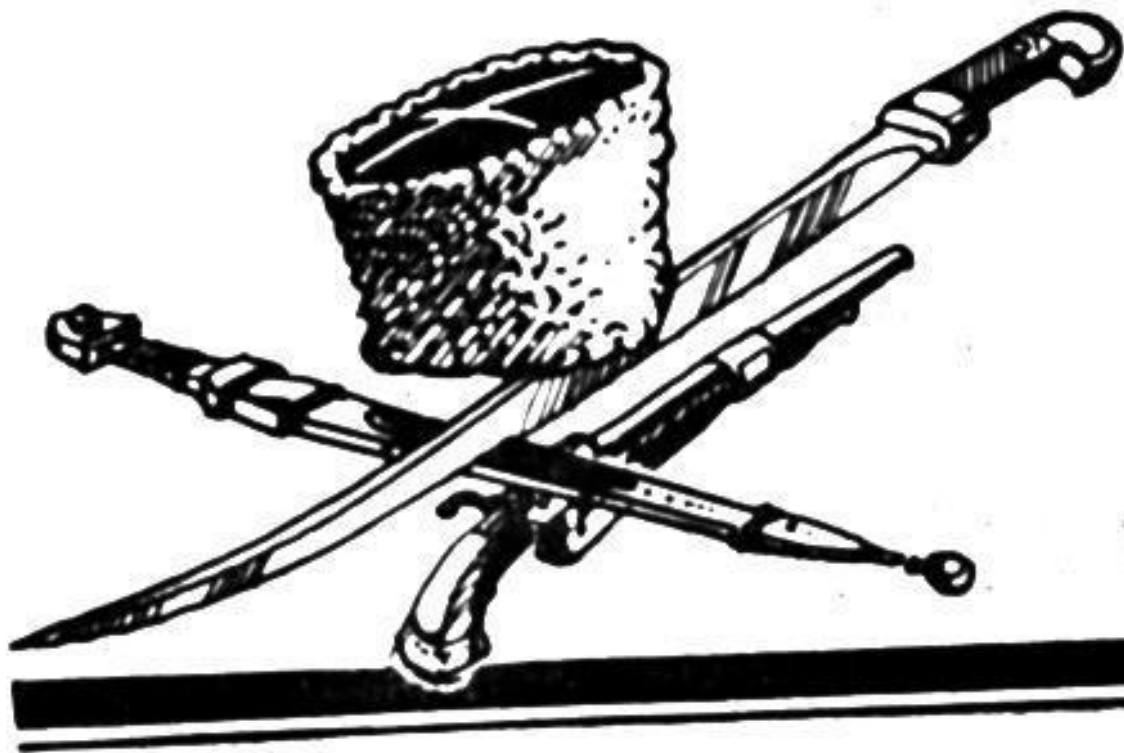
Церковь святого Архистратига Михаила. Быв. станция Пришибская (ныне г. Майский)

Часть первая Эхо былых времен

Изумленная Европа в начале княжества Ивана III едва ли подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах.

Ф. Энгельс

Глава I Казачьи вести

С беззвездного неба светила полная яркая луна. Быстро набегали мелкие облака. Словно зацепившись за луну, они закрывали ее на мгновение и улетали дальше. Андрей Щедра, старший казачьего дозора, мчался с тремя казаками по Большому шляху¹ с Дикого поля². Они делали короткие остановки, только чтобы дать отдых лошадям, и снова скакали вперед.

---

¹ Большой шлях – дорога, по которой татары совершали набеги на русские города.

² Дикое поле – безбрежные степи от Нижнего Поволжья до Азовского моря, вдоль всей юго-восточной границы, более чем 1000 верст длиной и 500 верст шириной.

Щедра боялся, что не довезет до заставы, где несли службу рязанские казаки, пленника, которого они взяли в степи, и поэтому не жалел ни себя, ни лошадей,

– Скорей бы до засеки добраться, – сказал ему один из товарищей и поглядел на связанного пленника.

– Да тут уж не далеко, потерпите, – ответил Щедра, – верст пять до нее осталось.

И они помчались навстречу утренней заре.

Светало. Тучи унеслись. Впереди показалась окраина леса. Он то продвигался густой чащей к самой дороге, то расходился большими прогалинами. Виднелись поля высокой желтеющей ярилы и еще зеленые овсы. Иногда дорогу преграждала упавшая громадная лесина. Тогда дорога уходила в сторону и огибала растрепанные корни великана, выдернутые из земли и поднимавшиеся дикими космами к небу. Объехав несколько таких лесин, всадники подъехали к двум деревянным башням, которые перегораживали дорогу. Они были сложены из толстых дубовых кряжей. Выше на башнях были прорезаны бойницы. Проход между башнями загораживали ворота.

– Вот это ворота, – сказал своим товарищам Щедра, постукивая по ним плеткой. – Одни петли железные сколько потянут.

Один из казаков подъехал к башням, высматривая, нет ли боковых тропинок. Но обхода не было, сразу начиналась стена, сложенная из бревен и засыпанная землей. Стена уходила в глубь леса.

Хриплый голос с башни окликнул их:

– Откуда будете?

Они посмотрели наверх. Наверху в бойнице стоял дозорный с бердышом и пищалью. Близ ворот вынырнул второй стражник при оружии.

– Кто такие? – спросил он, разглядывая казаков.

– Засечные³ мы, держим караулы в Червленном яру, а сейчас со степи, были в дозоре, – ответил за всех Щедра. – Пропускай скорей, вот пленного везем. Его срочно в Рязань надо доставить и сообщить, что сюда движутся татары, их разъезды уже повсюду рыскают.

Стражник открыл ворота и впустил казаков. Их взору предстала вереница изб, крытых лубом. На засеке было безлюдно, но с крыш вились дымки. Повевало горелым салом и ржаным хлебом. Кое-где в узких окошках чуть светились тусклые огни.

Всадники соскочили с коней. Пленник остался на лошади. Он был привязан волосяными веревками к коню. На нем была короткая рубаха, шаровары из полосатого сукна, сверху суконный халат, подбитый мехом лисицы, на голове шапка из такого же меха, на ногах сафьяновые сапоги.

Вокруг стали появляться невесть откуда взявшиеся вооруженные люди. Они с интересом разглядывали казаков и их пленника.

– Где вы его поймали? – спрашивали подходившие.

– В Диком поле, в трех сутках отсюда, – отвечали казаки.

– Кто он?

– Не хочет отвечать, бубнит себе: «Ахмат, Ахмат» и еще «Аман».

– Да жив ли он? – спросил подошедший к казакам начальник засеки.

– Вроде дышит, – настороженно ответил Щедра и посмотрел на пленника.

Дикими казались скошенные глаза пленника, неподвижно уставившиеся в одну точку

– Где вы его зацепили? – спросил Щедру начальник.

– Мы встретили татар у Волчьего брода на Хопре. Это был, по-видимому, их разъезд. Они тоже охотились за нашими, но мы их вовремя заметили и опередили.

---

³ Засечные казаки несли сторожевую службу на засеках, т. е. искусственных завалах, где устраивались дозорные заставы и посты.

– Ну и крепкий попал, ну и жилистый! – в один голос воскликнули казаки, показывая на пленника. А Щедра продолжил:

– Мы мчались изо всех сил, чтобы живым доставить его пред очи князя. Сейчас время нельзя терять никак.

– Сколько дней вы его везли?

– Три.

– Да, уморили вы его скачкой. Но надо его заставить говорить.

Пленник, словно понимая, начал оживать. Его глаза расширились, из раскрывшегося рта стали вырываться глухие звуки, потом он закричал, пытаясь вырваться из веревки.

– Что он кричит? – спросил начальник у стоящего рядом толмача⁴.

– Он кричит «Аман» – просит пощады, – сообщил тот.

– А еще?

– Что он джагун⁵ золотоордынский и послан был в разведку.

– Сюда, – говорит он, – с войском идет сам хан Ахмат.

– Скажи ему, что аман он непременно получит. Раз казаки пощадили его в пути, здесь убивать его никто не собирается, – сказал начальник толмачу и тотчас отдал приказ срочно этапировать пленного в Рязань.

---

⁴ Толмач – переводчик.

⁵ Джагун – сотник в монгольском войске.

Глава II

Беспокойство в Рязани

В Рязани беспокойно. На Соколей горе настойчиво гудел колокол. Горожане толпами валили на площадь к соборной церкви Успения Богородицы, чтобы узнать новости.

– Почему так настойчиво гудит колокол? – спрашивали один у другого люди.

– Опять, наверное, свара князей? Снова пошлют мужиков бить друг друга, – слышалось в ответ.

– И для чего? Чтобы спихнуть со своей шеи одного князя и посадить другого. И дрались бы между собой, зачем гнать на бойню нас?

– Да нет, тут что-то посурьезней, – говорили про меж себя спешившие на площадь. – Уж очень тревожно гудит колокол.

Но вот колокол умолк. После бойкого перезвона мелких колоколов из церкви вслед за духовенством вышел сам рязанский князь Василий с княгиней Анной и сыновьями Иваном и Федором. Этот князь был одним из немногих, кто еще номинально считался независимым в Московском государстве. Присоединяя удел к великому княжеству, Иван III позволял Рязани сохранять вид княжества особенного. Любя сестру свою княгиню Анну⁶, Иван позволял супругу и сыновьям ее господствовать здесь независимо.

– Здравия князю и многие лета, – разнеслось по площади.

– Здра-а-а-вия, ле-е-та.

Князь Василий Иванович поднялся на возвышение. Толпа мгновенно притихла.

– Пришли с Дикого поля вести недобрые. Идет по Руси золотоордынский хан Ахмат. И чуется мое сердце, туча на нас идет грозная. Надо сзывать на подмогу всех, кто умеет держать оружие. Рязань – передовой оплот русской земли, нам первым и отражать супостата.

Он подошел к небольшой группе людей, что стояли к нему ближе всех. Это были старосты со всех концов города и слобод и знатные люди города.

– Исполать⁷ тебе, отец наш, князь Василий Иванович! Жить тебе вместе с княгинюшкой Анной Васильевной в добре-здравии, горя не знать и нас, маленьких людишек, не забывать, – приветствовал его старший боярин.

– Позволь спросить, что не заладилось у Великого князя Московского с ордой и почему хан двинулся на нас?

– Великий князь отказался нынче и впредь платить дань орде и объявил свободу России.

– Похвально, похвально! – раздалось из толпы. – Давно надо было им дать от ворот поворот.

– Сей хан прислал в Москву послов с требованием дани, но наш государь Иоанн взял басму хана, изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами, умертвил послов, кроме одного, сказав ему: «Спешి объявить хану виденное тобою и объяви, что сделалось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит нас в покое», – продолжал князь. – И вот он с войском идет сюда.

– Требуется дани неотступной.

– И подчинения? – послышался вопрос.

– И подчинения.

В толпе воцарилась тишина, как перед бурей.

– Не бывать этому, – раздался всеобщий выдох толпы. И снова тишина.

И в этой тишине четко прозвучали вдохновенные слова князя:

---

⁶ Отцом Ивана III и Анны был Василий Темный.

⁷ Исполать – хвала, слава.

– Готовьтесь, други, биться. Когда нас не будет, пусть тогда берут все.

В толпе прокатился гул, слышались возгласы, смех.

– Го-го-го! Вишь, чего захотели, басурмане. Возьми-ка, выкуси! Дадим им отпор и погоним обратно, назад в Дикое поле.

Расположенная на высоком обрывистом берегу Оки, Рязань казалась неприступной. Высокие земляные валы вокруг города, кремль, внутри окруженный высокою стеной и сторожевыми башнями, делали город грозной, стойкой крепостью.

Глава III

Первые нападения на казачьи заставы

1

А в это время золотоордынское войско грозной тучей продвигалось к русским границам.

Стояла прекрасная летняя погода. Татары шли отдельными отрядами, родами и коленами, тысячными скопищами коней, держась широкими развернутыми крыльями. Грозные приказы Ахмата требовали, чтобы отряды не смешивались и двигались в строго указанном им направлении, поэтому среди них была особая ревность и соперничество.

Каждый отряд через своих гонцов поддерживал связь со своим ханом, а тот – с главной ставкой.

Шесть царевичей, Ахматовых сыновей, шли каждый со своим туменом в десять тысяч человек. Особые военные советники – юртжи, приставленные к царевичам, держали всю власть над воинами. Царевичи проводили время беззаботно, охотились с борзыми и соколами и пьянствовали, полагаясь на своих советников, бывавших не раз в набегах на русские земли. Верные тургауры⁸ бдительно их охраняли. Всадники шли налегке, без юрт. Спали они на земле, близ пасущихся рядом коней. Многие воины имели двух или несколько коней и в пути пересаживались с одного коня на другого.

Племянник Ахмата Касыдой со своим туменом татар шел впереди войска. Ему было поручено следить за степью, производить разведки, узнавая, где находятся передовые сторожевые посты русских, пытаться ловить их и спешно доставлять пойманных в ставку Ахмата. А оттуда каждый день шли приказы: «Давайте пленных! Шлите „языка”!»

– Если не будет пленных, переведу хана Касыдою в тыл войска, плестись в хвосте и довольствоваться остатками будущих побед, – говорил приближенным Ахмат. Дикое поле, по которому двигалось войско, представляло собой отлогие холмы с редкими дубовыми рощицами по берегам рек, оврагами и буераками. Здесь легко было укрыться и наблюдать за степью. В оврагах могли скрываться целые полки, поджидая противника. Поэтому отряд Касыдою продвигался вперед осторожно, останавливаясь на ночь у обрывистых берегов речек, опасаясь засад, и высылая вперед лазутчиков и наиболее ловких нукеров.

Так они подъехали к окраине рязанской земли, где сперва в рощах, а затем в лесах стали появляться дозорные заставы.

Хан Касыдой вызвал к себе начальника сотни Кяризека, бывшего ранее у него простым нукером – сокольничим.

– Ты и твои воины – лихие джигиты, степные волки! Отправляйтесь сегодня вон к тому лесу, – показал он рукой. – Там замечены всадники. Это, по-видимому, казачья засека. Нападите на нее и возьмите пленных.

Начальник сотни, поглаживая блестящую черную бороду, посматривая исподлобья, молчал.

– Что же ты не отвечаешь? – спросил у него Касыдой. – Хочешь узнать о награде?

Сотник молчал.

– Будет тебе награда. Пробежитесь к засеке пешком вон тем логом, – показал рукой Касыдой, – спрячьтесь и при удобном случае захватите хотя бы одного русского. Понял?

– Понял, – ответил сотник. – Но ты приказываешь нам отправиться до засеки пешком.

---

⁸ Тургауры – телохранители.

– Конечно. Верхом вас сразу же обнаружат. Дозорные сразу же дадут вам отпор или уйдут вглубь леса.

– Но мы привыкли ездить на коне, а пешком отобьем себе подошвы раньше, чем доберемся до леса. А если русских будет много, как мы унесем целыми наши головы?

– Хорошо, берите коней! Но подъедете туда ночью, в темноте. Коней спрячете в овраге. Только с пустыми руками не возвращайтесь и притащите пленных не полудохлых, а невредимых, чтобы их можно было показать хану Ахмату! Аллах вам в помощь!

Кяризек понимал, что теперь в русских лесах им кругом грозит опасность. Поэтому, выехав на задание, он свой отряд разделил. Сам со своей группой он остановился в овраге, а помощника Джиганхара послал в разведку. Джиганхар, оставив коней в подлеске, с десятком нукеров стал пешком пробираться вперед. Где-то раздался лай собак. На лесной поляне зачернела ограда, показались привязанные кони. Это была сторожевая застава.

Джиганхар тихо повернул обратно и послал гонца к Кяризеку. Тот приказал ждать и не пугать заставу.

Сумерки затягивали туманной дымкой окрестности. Серебристый ободок полумесяца повис над верхушками деревьев, а потом и вовсе исчез.

Вскоре подошла вся сотня Кяризека. Они окружили засеку, ворвались за ограду, перехватили коней и стали рубить всех выбегающих из землянок и шалашей беспечно зазевавшихся сторожей.

В живых осталось всего несколько казаков, которых взяли в плен. Остальные полегли в неравном бою, где одному пришлось биться с десятком.

Касыдой пожелал лично увидеть пленных, захваченных на засеке. Нукеры быстро приволокли двоих к нему. Касыдой с любопытством рассматривал лежащих перед ним казаков. Под ударами плетей они с трудом приподнялись. Первый рослый воин пошатывался и держался за плечо своего товарища. Дерзко и злобно он смотрел на всех и на вопросы толмача отвечал неохотно.

– Откуда ты родом и чем занимаешься? – спросил Касыдой.

– Рязанский я, несущу службу дозорную, – ответил пленник.

– Давно ты был в Рязани?

– Недавно.

– Тогда говори правду, сколько войск у рязанского князя?

– Сколько людей, столько и воинов, – отвечал пленник. – Теперь каждый взялся за меч или топор.

– Но если ты рязанский, зачем сражаешься здесь за Москву?

– Как не сражаться, Москва же город наш, русский.

– Но ведь князь Московский хочет присоединить вашу землю к себе, – уже злясь, сказал Касыдой.

– А это уж дело князей разбираться, кто к кому пристанет. А наше княжество независимое. Земли его Великий князь вручил сестре своей, княгинюшке нашей Анне Васильевне, и ее сыну навечно! Правит нами князь Василий Иванович и правит по совести – мы довольны.

Ответ рассердил Касыдою.

– Уведите пленных, – распорядился он. Но когда нукеры потащили их, он неожиданно остановил их.

– Стойте! Скажи мне, ты, – обратился он ко второму пленнику, – сколько войска у рязанского князя.

Пленник замялся. В это время первый, будто споткнулся, навалился на него и шепнул:

– Придержи язык-то!

– Начальник милостивый, – медленно ответил второй, – неведомо нам это. – Стоим в дозоре уже давно. Кто же его знает, сколько войск у князя стало.

Ответ вновь не понравился Касыдою.
– Отправьте их к Ахмату, – сказал он.

2

Кяризек, разведав, что неподалеку располагается станица, доложил об этом Касыдою.
– Это не иначе главная дозорная застава русских, – заключил тот. – Даю тебе еще две сотни нукеров, захватите ее.

И вот татарский отряд двинулся по просеке вглубь леса. Кяризек, понимая, что в русских лесах им кругом грозит опасность, вел его с особой осторожностью.

Вскоре они выехали к неширокой, но обрывистой речушке. На другой стороне была станица. Там все было тихо. Кое-где лаяли собаки, несколько огоньков еще мерцали в домах, но и они постепенно один за другим погасли.

Темная ночь окутала дремой станицу. Избы, вытянувшиеся вдоль опушки заснувшего векового леса, словно вросли в землю. Тишину изредка прерывал сухой треск плетня или раскачивающегося дерева. На окраине несколько раз тявкнула собака, потом вдруг залилась тонким протяжным лаем. За ней подхватили другие. Где-то стукнула калитка, звонко заржала лошадь.

Кяризек, сидя на коне, напряженно вглядывался в темноту и намечал план предстоящего нападения.

– Отойти назад по просеке, вглубь леса, – приказал он. – Нападем перед утром, по моему приказу.

Всадники не отходили от своих коней и, привязав повод к поясу, лежали всю ночь, свернувшись, как кошки, у передних копыт своего коня.

Под утро прозвучал рожок. Отряд аллюром двинулся к цели. Лес стал редеть, впереди показалась речка.

– Вынуть оружие, – из ряда в ряд передали приказ Кяризека. Воины вынули из ножен свои кривые сабли, приготовили луки. Кони устроили бег, и татары вылетели на широкую зеленую поляну.

Справа тянулся невысокий, но густой болотистый лес. Слева, по другую сторону реки, у самого берега расположилась станица, с небольшой часовней. Оба берега были загорожены засеками из наваленных бревен, елок, пней с длинными корнями, чтобы коням было невозможно перебраться через них.

Как только основная масса татар собралась на поляне, запели рожки, и затрещал барабан. Казаки, не ожидавшие нападения, стали выбегать из домов и спешили к теремку, который возвышался рядом с часовней.

Вскоре возле теремка показался на гнедом коне красивый, высокий с большой черной бородой всадник. Это был атаман станицы, старший сторожевой заставы, казачий есаул Дербабба. Около него вскоре собралось до сотни казаков, и они бросились навстречу татарам.

А те уже мчались на них. Один отряд бросился влево и, поднявшись на берег, двинулся дальше на избы. Другой отряд помчался вправо, вдоль засек, обогнул их, схватился с русскими прямо у реки. Третий отряд, бывший в середине, отчаянно направился стремительным потоком прямо на валы и засеки. Сотни татарских коней ударились грудью в засеки, ломая встречные укрепления. Кони падали, всадники вместе с ними валялись на землю. Налетавшие новые всадники проносились через упавшие тела, топтали их и, не замедляя натиска, устремлялись дальше и сваливались по крутому берегу реки.

Казаки сбегали с другого берега навстречу врагу. Главная схватка разгорелась прямо на берегу. Казаки, во главе с атаманом Дербаббой, отважно бросились на татар. Они умело владели палашами, и от их ударов разлеталась в куски более тонкая татарская сталь. Станичники, соби-

раясь в кучки, яростно врезались в татарский строй, но те, теснясь рядами по десять воинов, не отходили один от другого. Казаки бросались то вправо, то влево, отдаляясь друг от друга. Постепенно они рассеялись в татарской массе.

Наблюдавший с высокого холма за разгоревшейся схваткой Кяризек соображал: «Если бы атаман Дербаб с казаками держался тесно, плечом к плечу, пробивался сквозь татарские ряды, они могли бы проложить себе путь в лес и спастись безвестными дорогами. А здесь их гибель можно предсказать заранее».

Вот упал сраженный татарской стрелой атаман Дербаб. Кяризек очнулся и дико завизжал:

– Вперед, за мной! – и вместе со своей охраной бросился вниз с холма.

Но казаки оправались от первого натиска татар и стали сами теснить их. Татары метались во все стороны, отлетали, быстро заворачивали коней и снова налетали на русских.

Среди казаков мужественно бился казачий урядник Андрей Щедра с товарищами. Они, тесно прижимаясь друг к другу, прорубались в татарской массе, продвигаясь вперед к лесу.

Казаки бились отчаянно, татары метались в беспорядке. Кяризек не мог собрать своих рассеявшихся всадников, чтобы одним ударом сломить сопротивление упрямых противников.

Русские стали одолевать. Но из просеки показались новые отряды конных татар. Они вылетали из леса непрерывным потоком с воем и тонким ужасающим криком. Это примчались отряды самого хана Касыдой. Два новых отряда решили исход боя. Казаки стали отходить, скатываться с крутых берегов реки и удаляться в лес. У них не было сил противостоять свежим татарским отрядам, не было атамана. Храбрость и беззаветная их жертва оказались уже бесполезными.

Прибывший с новым отрядом хан Касыдой поднялся на холм и, наблюдая оттуда, как проносились с криками и визгом его воины, как они затихали, когда набрасывались на русских, и как в полном безмолвии происходила бешеная рубка. Только вскрикивания и стоны тяжело-раненых наполняли страшными звуками заставу.

Русские всюду отступали и удалялись вглубь леса. Татары добивали последних казаков, которые продолжали сопротивляться, хотя были окружены со всех сторон. Битва кончилась.

Касыдой проехал вдоль засек, заваленных трупами воинов и коней, переправился на другую сторону реки и остановился около пожарища на месте сгоревшей часовни.

– А теперь идем на Москву, – распорядился он. – Скорее прочь отсюда, из этих дремучих лесов.

В это время ветер переменялся и разогнал серые тучи. На летнем голубом небе показалось яркое солнце. Теплые золотистые лучи осветили местность.

Зазвенели частые удары в медные гонги, призывая татар к сбору. Они с хриплыми криками быстро строились по десяткам и сотням.

Глава IV

Меры Великого князя по отпору врага

1

О нашествии татарском было известно и в Москве. Злобствуя на Великого князя за его ослушание и недовольный умеренностью даров, хан Ахмат договорился с литовским королем Казимиром вместе напасть на Россию. Сам он, выйдя из волжских улусов, двигался к Оке, а литовцы должны были двигаться к берегам Угры, и с двух сторон они в одно время должны вступить в Россию. Предвидя это, Великий князь еще раньше заключил договор с крымским ханом Менгли-Гиреем и его братьями о совместной борьбе с Ахматом, который не прочь был прибрать к рукам Крым и вновь воссоздать Золотую Орду.

И вот, как только Орда двинулась, Менгли-Гирей по условию с Иоанном напал на Литовскую Подолию и тем отвлек Казимира от содействия с Ахматом. Получив известие о том, что Ахмат оставил в своих улусах только жен, детей и стариков, Иоанн велел крымскому царевичу Нордоулату и звенигородскому воеводе, князю Ноздроватому, с небольшими отрядами сесть на суда и плыть туда Волгою. И разгромить беззащитную Орду или, по крайней мере, устроить хана.

Великий князь не замедлил усилить сторожевые заставы на всем пути от Дикого поля до русских земель. Оттуда стали приходить тревожные вести. Сообщалось, что татары всюду зашеперились и их отряды растут, все более вклиниваясь в русскую сторону.

Москва кипела всевозможными слухами. В городе уже появились беженцы с детьми. Они рассказывали, что татары сжигают на своем пути все наши селения. Всех мужчин выше колеса телеги убивают. Женщин и детей гонят к себе в полон. Говорили, что татары уже навалились на Рязань, а это уже недалеко от Москвы.

Старые вести сменялись новыми, волнуя все больше и больше москвичей. А в это время гонцы от Великого князя носились вскачь по всем княжествам, будоража народ и требуя, чтобы все, кто может держать в руках оружие, спешили в княжеские дружины.

– Если мы все станем одной стеной, то позора и беды от злых недругов не будет, – говорили они. – Но если мы не отзовемся немедленно на призыв Великого государя нашего, то горе-горемычное навалится на нас и всех разметает, как буря.

Москва в несколько дней стала наполняться ратниками.

– Скажи нам, княже, чего хотят татары? Чего им от нас надобно? – спрашивали они, когда Иоанн выходил встречать пополнение.

– Большой хан хочет, чтобы народ русский, как и прежде, покорялся им и бил челом. А нет – грозитя потоптать нас своими конями.

– Зря похваляется и грозитя! Не бывать тому! – кричали ополченцы.

– Не гневайся, Великий князь, за слова бесстыжие, что я слышал, – спросил один из княжеских помещиков. – Правда, что требуют они дани неотступной, как прежде, десятины во всем: и в князьях, и в людях, и в конях...

– И это верно, люди! Я же сказал ему, пусть оставит нас в покое. Не рабы мы ему!

– Правильно.

– Слава Великому князю!

– Смерть басурманам!

Приняв все меры к обороне русских земель, Великий князь стал готовиться к выезду в войска, которые уже стояли на берегах Оки.

Вся Россия с надеждой и страхом наблюдала за событиями. А татары между тем уверенно продвигались по протоптаным ранее дорогам и шляхам.

Благословляя его, Первосвятитель, митрополит Геронтий, с умилением говорил ему: «Бог да сохранит твое царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крепися, о сын духовный, как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает душу свою за овцы, а ты не наемник! Избавь врученное тебе Богом словесное стадо от грядущего ныне зверя».

– Аминь! Буди тако! – промолвили все духовные и молили князя защитить Отечество.

Великий князь, государь Иоанн Васильевич, покинув Москву, направился на Угру. Лихая тройка, запряженная гуськом, не переводя духа, скакала от погоста к погосту, где подавали свежих коней. Великий князь строго говорил сбегавшимся селянам:

– Берите мечи и топоры! Ополчайтесь в дружины, собирайтесь вокруг князей, готовьтесь к смертному бою с врагом хитрым и жестоким. Мы должны спасти родную землю. Я сам поведу вас.

Кони снова неслись вперед по широкой дороге. За князем следовали родственники, слуги. Верховые дружинники охраняли княжеский кортеж.

Князь торопил возничих. Стараясь нигде не задерживаться, он мчался вперед и вперед. Укачиваемый равномерным конским топотом, скрипением колес возка и покрякиванием конюха, князь погружался в дремоту, а в ушах еще звучали последние слова Первосвятителя Геронтия: «Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом и не будешь именоваться предателем Отечества». «Конечно, – думал он, – духовенство не имеет полного понятия о случайностях войны, но оно же с чистым сердцем молится о спасении Отечества».

«Как же мне лучше поступить? – думал он и сам же себе отвечал: – На месте будет видней».

Очнувшись от дум, князь хмурился и вздрагивал, когда впереди из-за поворота вдруг показывались черные кусты. Ему мерещились татарские всадники, которые, изогнувшись, припали к гривам коней, готовые метнуть стрелу из огромного лука.

Но возница лихо посвистывал, гикал: шарахавшиеся в сторону кони снова подхватывали, и черные кусты оставались позади.

2

А в это время, в ложине, под высоким яром, среди наваленного грудями хвороста, тихо потрескивал небольшой костер. У костра лежали четыре молодца, из тех, кому ни дождь, ни снег, ни буря-завируха – все нипочем! Все четверо дозорных, молодцы-удальцы, узорочье рязанское. Казаки, ускользнувшие под Рязанью от татарского аркана, своей четверкой воевали «вольными охотниками» в лесах, вылавливая зазевавшихся или отставших татар. Услышав, что Великий князь собирает где-то на Угре войско, они прискакали к нему. И вот по приказу его сына, Иоанна младшего, они поставлены сторожевыми дозорными на этом яру.

– Коня у вас добрые, – напутствовал их молодой князь, – в случае появления татар быстро сообщите в лагерь.

За яром простиралась открытая местность, откуда в любое время могли появиться татары. Дозорные коротали время, ведя разговор.

– Ну и времена настали, – говорит Степан Гладков старшему дозору Щедре и товарищам. – Татарва в любое время может нагрянуть. Как бы не прозевать.

– Это точно. Мы же видели, как они всюду шныряют, вынюхивают, – ответил Щедр и послал на яр второго дозорного.

– Смотрите в оба – разом налетят татары, не успеете и молитву прочесть, как без голов останетесь, – напутствовал он его. А сам стал огораживать хворостом и лесинами костер, чтобы ночью татарские разведчики не приметили огня.

Греясь у костра, оставшиеся продолжили разговор.

– Вовремя отбросил свое раздумье Великий князь, – говорил Щедре товарищ, – и войска собрал порядочно, правда?

– Он теперь самый сильный из князей, ему сам Бог велит встать во главе русского войска, – ответил Щедре.

– Всем миром надобно подняться на лютого врага, только тогда одолеем его.

– Это точно. Сколько страданий приняла русская земля из-за княжеской розни. Теперь всем надо встать дружно, одной волей, одним сердцем, – как бы размышляя, ответил Щедре и стал ворошить костер. – Горе, сколь к нему ни готовься, все равно застаёт врасплох, – словно оправдываясь, проговорил он.

И на этом разговор прервался.

– Смотрите, черный дым валит! – кричал с яра дозорный.

– Где? – переспрашивали его казаки, поднявшись из ложины.

– Вон смотри.

– Не иначе Залесское горит. Видно, татарва привалила, – сказал стоящий рядом с Щедрой Алешка Курдюков и тут же вскрикнул: – Да вон они идут – лавой.

Двое дозорных быстро укрылись в яру, а двое спешно поскакали в русский лагерь.

Глава V

Конец татарскому игу

Ахмат, получив известие, что берега Оки к рязанским пределам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре, в надежде соединиться там с королевскими войсками и вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали.

Великий князь, дав повеление сыну и брату идти к Калуге и стать на левом берегу Угры, сам приехал в Москву. Распорядившись о защите города и повелев сжечь посады вокруг столицы, он вновь отправился к войскам.

На другой день к вечеру Иоанн прибыл в Кременец, городок на берегу Лужи, и дал знать воеводам, что будет оттуда управлять их движением.

Русские полки, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля.

Татары, как и сообщали дозорные, подошли к русским позициям к вечеру. Вначале несколько десятков на рысях проскакали по берегу, а потом их становилось все больше и больше. И хотя это был только передовой легкий отряд, татары вскоре заполнили берег Угры. Пара сотен татар, ища переправу, попыталась перебраться на противоположный берег, но была отбита меткими стрелами и пищалями. Тогда они отпрягли коней, развели костры и повели себя так, точно никто им не угрожает.

А на следующий день, на восходе солнца, к Угре подошло все ордынское войско. Их всадники на крепких конях, держась кучно, стали быстро пронеситься по берегу. Одеты они были в долгополые кафтаны, в меховые шапки, прикрывающие своими отворотами лицо и шею так, что видны были только раскосые глаза. Татары громко кричали, бранились. В тихом утреннем воздухе ясно звучали их непонятная, странная речь и дикие возгласы.

Великий князь Иоанн III с князьями Андреем Меньшим и Иоанном Младым в сопровождении дружинников выехали на крутой берег реки. Здесь их встретили воеводы, и они стали внимательно следить за передвижением татарских войск.

Вот к шатру, что стоял по ту сторону, подъехал отряд, в котором выделялись нарядно одетые ханы в полосатых и пестрых одеждах. Под ними отличались рослые кони с дорогой сбруей, отделанной золотом. Некоторые всадники были в кольчугах, другие в блестящих панцирях. Ханов сопровождали сотни воинов с длинными тонкими копьями.

Толмач на чубаром коне приблизился к самой кромке воды и обратился к стоящим на противоположной стороне:

– Не стреляйте! Слушайте! Хан Большой Орды, Ахмат, прибыл сюда со своим могучим непобедимым войском. Знает ли Великий князь Московский о прибытии в его земли великого хана.

– Знаем. Не слепые и не глухие, – раздалось с нашей стороны.

– Где же он прячется? – продолжал толмач. – Пригласите его сюда, хан говорить с ним будет.

Это звучало вызывающе. Стоявшие на берегу бояре, князья тихо перешептывались. Несколько нетерпеливых казаков сделали выстрелы из пищалей. Раненые татарские кони закружили на месте. Татары сейчас же ответили десятком стрел. На русской стороне кто-то вскрикнул.

Татарский толмач продолжал:

– Не стреляйте! Передайте своему князю, если не покоритесь, мы захватим все ваши города и вырежем все взрослое население.

– Умрем, но не покоримся, – слышалось в ответ. – Уезжайте в свои степи! На русской земле вам делать нечего.

На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что русские не бегут, да и стреляют из пищалей метко, Ахмат отвел свои войска на две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по литовской земле для пополнения провианта. Между тем отдельные отряды, регулярно, выезжали из стана на берег и кричали:

– Дайте путь нашему хану или он силою дойдет до вашего князя, а вам будет худо.

Миновало еще несколько дней.

Иоанн собрал совет. Многие князья еще враждовали, да и бояре московские не совсем ладили между собой.

– Надо решать, как будем действовать, – обратился Великий князь к собравшимся. – Хан Ахмат перед нами.

Несколько князей, захлебываясь, кричали, что разбить ордынцев – нечего делать.

– Помните, как мы в прошлые годы били ненавистных нам крымских ханов, – раскалялся молодой князь Серпуховский.

– Действительно, как они позорно тогда бежали, – вторили ему.

Другие спорщики опровергали первых.

– Мы их погнали, они бежали, а какие сами понесли потери? Доколе будет литься невинная русская кровь, – говорили они.

– Нельзя так спокойно и беззаботно доверяться одной русской лихости.

– Золотоордынский хан Ахмат привел отличное войско и, может, стоит подумать о замирении с ним, – продолжили приближенные Великого князя – Олексич и Таврило.

– С кем? С Ордой? – слышалось в ответ.

Совет бурлил. Но когда со своего места встал Великий князь, все притихли.

Князь Иоанн выпрямился и заговорил медленно и четко:

– Вы призвали меня встать на защиту Русского государства, и вот я здесь.

Иоанн вынул из-за пазухи свернутую в трубку ханскую грамоту Ахмата с болтавшейся на шнурке печатью со львом и передал ее писцу

– Читай, – сказал он. И тот, зычно крякнув, сильным голосом стал читать:

– Князь Иоанн! Если можешь, сопротивляйся!

Писец остановился, посмотрел направо и налево, покачал головой и снова, кашлянув, продолжал:

– Если можешь, сопротивляйся. Но я уже здесь и пленю землю твою! Ахмат.

Несколько рук протянулось, желая взять грамоту, но писец увернулся и отдал бумагу Великому князю.

– Слыхали, что пишет заносчивый золотоордынский хан? Пленить нашу землю грозит!

– Гляди, куда махнул! – зашумели присутствующие. Однако крики еще более усилились, когда приближенные к Великому князю бояре Ощера и Григорий Мамона посоветовали государю, что лучше искать мира. Они даже напомнили Великому князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного татарами. И он все больше стал склоняться к их предложениям.

Иоанн послал боярина, Ивана Федоровича Товаркова, с мирным предложением к Ахмату и ордынскому князю Темиру. Но хан не стал его слушать, отверг дары и сказал:

– Я пришел сюда наказать Иоанна за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет челом и уже девять лет не платит дань. Пусть сам явится предо мною: тогда князья наши будут за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость.

Темир также не взял даров, заявив, что Ахмат гневен и что Иоанн должен у ханского стремени вымолить себе прощение.

Великий князь не мог унизиться до такой степени раболепства, и переговоры на этом закончились. Вскоре к нему прибыли его братья Андрей и Борис с дружинами. Можно было смело действовать против татар.

Но прошло около двух недель, а войска с обеих сторон бездействовали. Россияне и татары смотрели друг на друга через Угру, которую наши называли поясом Богоматери, охраняющим московские владения. Наконец не выдержал Ахмат.

Вызвав к себе Касыдою, он приказал ему:

– Бери свою конницу и тайно переберитесь через Оку. Зайдите в тыл русских и вместе нанесите им удар.

Узнав от лазутчиков о предстоящей переправе татар у городища Опакова, Иоанн вызвал к себе воеводу Холмского:

– Возьми полк правой руки и отряд казаков и отразите переправу татар у Опакова.

Холмский, употребив хитрости, двинулся сначала вглубь русских позиций, а затем, обогнув небольшой лесок, оказался в назначенном месте. Татары увидели их, начав переправу через Оку Россияне, употребив огнестрельный снаряд, дружно навалились на переправляющихся ордынцев. Смешанные действием огнестрельного оружия, татары хотели мужественно исправить свою ошибку, отчаянно бились, но большею частью легли на месте, а остальные бежали.

Ахмат злился, грозил.

– Скоро начнутся морозы, и путь мне будет открыт, – говорил он. – Скоро литовцы придут мне на подмогу и тогда покажем русским.

О литовцах не было слуха, но морозы в конце октября действительно ударили. Угра покрылась льдом.

Понимая, что сражение неотвратимо, Великий князь приказал воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с ханом на боровских полях, удобнейших для битвы.

Так думал государь. Но бояре и князья, не знавшие тонкостей этой задумки, изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн испугался и не хочет битвы. Полки не отступили, а побежали от неприятеля, который сам оказался в недоумении.

Татары, видя, что россияне оставляют левый берег Угры, воображали, что они манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засады. Объятый странным ужасом, Ахмат поспешил тоже удалиться. Он разорил в Литве двенадцать городов за то, что Казимир не дал ему помощи, и с богатою добычей двинулся домой, сведав перед этим о разорении своих улусов крымскими и русскими войсками.

Но попользоваться добычей ему не пришлось. Князь тюменских улусов Ивак, желая отнять богатую добычу у Ахмата, вместе с ногайскими мурзами Ямгурчеем и Мусою и шестнадцатью тысячами казаков погнался за ним. Близ Азова, где остановился на зимовку хан, его окружили. Ночью пробравшийся в ханскую ставку Ивак собственными руками умертвил спящего Ахмата. Затем без сражения взял Орду, все ее богатство и возвратился, известив Великого князя, что злодей России лежит в могиле.

Так закончилось это последнее ордынское нашествие на Россию. В народе говорили:

– Иоанн не увенчал себя лаврами как победитель Мамаев, но утвердил венец на голове своей и независимость государства.

Народ веселился, а митрополит установил ежегодный праздник – 23 июня – в память освобождения России от монголов, ибо это был конец нашему рабству.

Находившаяся около трех веков вне европейской политики Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Иоанн рожденный и воспитанный данником степной Орды, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимым и ласкаемым от Рима до Царьграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам, ни гордым султанам. Силой и хитростью восстанавливая свободу и целостность России, губя царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую и псковскую, захватывая уделы, расширяя владения московские до просторов сибирских и норвежской Лапландии, он утверждал величие государства.

Подобно своему великому деду, герою Донскому, он хотел умереть государем, и уже склоняясь от престола к могиле, еще давал повеления для блага России. Он тихо скончался 27 октября 1505 года, в первом часу ночи, в возрасте 66 лет 9 месяцев, провластвовав 43 года 7 месяцев. Погребен в церкви Св. Архистратига Михаила.

Перед самой кончиной Иоанн в присутствии знатнейших бояр, князей и духовника, архимандрита андрониковского Митрофана написал завещание и объявил старшего сына Василия преемником монархии, государем всей России и меньших его братьев. Тут, в перечислении всех областей Васильевых, в первый раз упоминается о дикой Лапландии, здесь же сказано, что старая Рязань и Перевицк составляют уже достояние государства Московского. Поэтому, воцарившись на престоле, Василий присоединяет Рязань к Московскому государству. Он повторяет те же меры, какие предпринимал его отец в отношении других городов и княжеств. Значительная часть населения выселялась в северные области, а освобожденные плодородные земли раздавались местным и иногородним служилым людям. Вначале московское правительство очистило центральную часть Рязанского княжества, а затем приступило к захвату окраинных земель, границы которых проходили по Средней Оке и по дальним берегам Дона и его притоков.

В сферу испомещения⁹ попадали, естественно, и земли рязанских казаков, державших караулы в Червленном Яру и по Хопру, которых решено было выселить в Суздальскую землю.

---

⁹ Испомещение – раздел земель на поместья и раздача служилому дворянству, находящемуся на службе Московского государства.

Глава VI

Недовольство казаков

На склоне холма, у протекающей рядом речки, раскинулось небольшое рязанское селение Гребни. Трудно сказать, почему оно получило такое название. То ли от хребта, который тянулся волнообразно по холму, то ли из-за речки, которая при сильном ветре каждый раз покрывалась рябью. Селение это входило во владения княгини Анны Васильевны, пожалованные еще «великим государем» ее сыну Иоанну. Селение, как селение: потемневшие курные¹⁰ избенки, покрытые побуревшей соломой, растасканные плетни вокруг скудных огородов. Оконца задвинуты доской или затянуты брюшиной. Далее за огородами виднелись одонья¹¹ ржаных снопов с острой обвершкой. Но жители называли его станицей. Огорожена она была высоким частоколом. Сквозь открытые ворота особо выделялся теремок, покрытый дранью. В нем жил староста, которого жители уважительно называли атаманом.

В том месте, где река делала поворот, на берегу располагалось несколько черных бань, хлебные овины, водяная мельница, а за ними роща переходила в бор с вековыми соснами и елями, в котором были разбросаны сторожевые засеки, на которых несли службу казаки.

Ранним солнечным утром из теремка вышел озабоченный староста – старый казак Щедра и, постукивая палочкой, побрел, поблескивая недовольными глазами, по улице станицы. Он шел мелкой походкой, шаркая широкими сапогами. Около первого дома остановился, постучал палкой в маленькую оконницу.

– Степка, выглянь-ка сюда.

Ставня отодвинулась, из черного квадрата вырвался клуб кислого пара и показалось лицо казака.

– Чего еще надо, Андрей Исаевич?

– Пройди к правлению. Там узнаешь кой-чего. Отписку я получил из Рязани.

Староста пошел дальше по станице. У некоторых изб он останавливался, стучал палкой, приглашая казаков к себе во двор.

Казаки выскакивали на улицу и, накинув кафтан, шли гурьбой к дому атамана.

Собравшись у крыльца его дома, они глухо переговаривались.

– От этой отписки добра не жди, – говорили в толпе. – Или опять жалованье задержат, или еще какую службу навяжут, а то, может, надумали и чего похуже.

В стороне сгрудились несколько баб в цветных сарафанах и красных полинялых платках. С тревогой они ожидали, что грозило их мужьям.

Атаман вышел на крыльцо и окинул цыганскими с желтизной глазами собравшуюся толпу. Рядом с ним стоял рыжеволосый, рябой, в кафтане посадского покроя человек. Он держал бумажный свиток.

– Детушки! – выкрикнул он высоким сильным голосом. – Господин наш, Великий государь Василий Иоаннович, за здоровье коего мы, его людишки и сиротинушки, усердно молим Бога, прислал вот эту бумагу. Для защиты ее верных наших земель вам предлагается переселиться в Суздальскую землю.

– А чего это ради? – послышалось из толпы.

– Надо злодеев, что зарятся на наши земли, отвадить, – важно отвечал посланник.

– Да что, у Великого государя войска мало, что ли?

---

¹⁰ Курные избы – избы с печами без труб, дым выходил через дверь и окна.

¹¹ Одонья – копны хлеба в снопах.

– Войска достаточно, но и вы будете подмогой весомой, – уже тверже отвечал посланник. – А потому в этой отписке князь наш повелел отобрать из вас для царского воинского долга сотню здоровых казаков и послать их уже сейчас к названному месту.

Рязанский посланник откашлялся и сунул свиток в руки батюшке, который протиснулся к ним на крыльцо.

– Ну-тко, святой отец, прочти, про кого там помечено по имени и прозвищу, – сказал он, передавая бумагу батюшке.

Священник стал нараспев читать свиток, останавливаясь после каждой фамилии. Вызванные отходили в сторону. Затихшие, было, казаки начали тихо перешептываться.

Атаман объяснял своему рыжему соседу:

– Видишь, Никита Демьянович, какие все добротные казаки, молодец молодца краше. Могутные, спористые, отменные воины.

– Вижу, брат, вижу!

– Вон, смотри, Егор Бардош – свой в Диком поле, бывал на Волго-Донской переволоке и на «Муравском шляхе», татарских «языков» не раз добывал, он в качестве стражника сопровождал хлебный запас до самой Астрахани.

– А вон те, те, – показывал он рукой на выходивших казаков.

– Казаки всегда исправно несли свою службу. За службу нам платили «кормовое жалованье», давали оружие и лошадей, наделили землей, и вот надо же?

Рязанский посланник откашлялся, повертел головой и сказал:

– Знаю, Андрей Исаевич, я вас, казаков, знаю. Вашу службу высоко ценил и князь. Но это указ государя!

В это время казаки уже не стояли на месте. Усиливалось волнение.

– Никуда мы не поедem с отчины, – неслоь из толпы.

– Мы к сторожевой службе приучены. Мы – хлебопашцы, привыкли около своей земли ходить.

– Да, своими мозолями распахивали эту пашенку, – говорил старый казак Дзюба, размахивая костылем. – Я с детства помню, как по этим лесам, где исстари соха, коса и топор ходят, все отцы и деды наши расчищали буреломы, секли деревья. А их кто будет защищать?

Тут появился паренек в просторной рубахе. С перевальцем отделился он от амбара, где стоял в сторонке и вышел на середину.

– Казаки! – обратился он к толпе, – я из соседней станицы, Червленной, нас тоже высылают. Стародубовскую тоже.

– Что же это такое, братцы, – раздалось в толпе. – Не иначе, измена.

– А вот бунтовать не следует, – предупредил рязанский посланник. – Государь этого не простит. – И уже обращаясь к атаману, произнес:

– Принесла меня нелегкая в вашу станицу. Но вы решайте. Иначе мне надобно будет сообщить рязанскому воеводе, а он непременно пришлет сюда ратных людей.

– Разве можно это стерпеть, где же правда? – неслоь из толпы.

– Бояре правду в болото закопали, – слышалось в ответ.

– Не посмеют нас с земли сводить! – неслоь уже грозно. – Не покоримся!

Кто-то предложил послать к царю челобитчиков.

– А толку от этого много ли? – возразили ему. – Челобитчиков схватят и на дыбу.

– Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, – проговорил со вздохом батюшка.

Посланец тоже, видимо, понимающий кое-что в церковном деле, ответил:

– А не сказано ли в книге: «Всякая душа властям придержащим да повинуется»? Отче! Несколько дней станичники собирались на сход, чтобы решить, как быть дальше, если царская воля решила большую часть станицы заслать на север.

Станичный есаул с растяжкой говорил, что не след противиться княжескому указу.

– За непослушание и огурство¹² по шерсти не погладят, – предупреждал он.

– Вчера был я на ярмарке и слышал, что в других деревнях такое же было и ничего упорством не добились, а только еще невинные пострадали.

Первыми дали ему отпор бабы. Перебивая друг дружку, они кричали:

– Ужо закатил глаза, запел свою песню. Тебе-то что? Тебя не высылают, тебе и не беспокойно.

– Нам есаула слушать не след, – поддержали баб несколько служилых. – Послушаем, что скажут те, кого вписали в список.

Казаки хмурились, их одолевали раздумья: что будет? Никто не хотел отрываться с родных мест. Споры и крики прекратились тогда, когда прибежал Степан Гладков.

– Тише, казаки! Слушайте, что я проведаль.

– Эй, бабы, уймите ребят!

Степан оглянулся, точно боялся, что кто-нибудь подслушает.

– Теперь все земли, что Иоанн когда-то передал нашей княгинюшке и ее детям по велению Великого государя, передаются московским боярам. Они раздадут их в собственность служилым людям – дворянам. А нас велено свести в другие земли.

Степан отер красное лицо рукавом и продолжил:

– Найдется ли нам там место неизвестно, а кто здесь останется, пойдет в холопы боярские. Несколько мгновений тянулось молчание. Затем раздался одновременный выкрик:

– Не бывать этому!

Толпа опять загудела. Но вот слово взял атаман.

– Послушайте меня, ребяташки. Явно, что указ оторвать нас от отчины – нам не по душе. И осталось вроде нам одно – взяться за топоры?

– И возьмемся, – раздалось из толпы.

– Не дело это, братцы! Мы же люди служилые и не к лицу нам бунт. Тем более сила на стороне Великого князя.

– Что же нам делать, атаман?

– Бежать отсюда.

– А куда?

– Сперва уйдем подальше в лес, а в случае, если нас и дальше будут теснить, двинемся на вольные земли.

– А где они?

– Рассказывают люди добрые, что есть на далеком Кавказе река Терек, что течет из Яских гор в море Каспийское. А на этой земле есть не то город, не то область, не то место по названию Тюмен. Живет там всякий вольный люд, живет и знать себе ничего не хочет. У моря Каспийского хозяина нет, всякий гуляет по нему и делает, что хочет. Если кто смел да силен, тому в тех местах не жизнь, а рай. Совсем не то, что под Москвою быть.

– Любо! – раздалось всеобщее одобрение казаков. – Любо!

И посыпались на атамана вновь вопросы.

– А как добираться на этот Кавказ?

– По Волге, – отвечал он.

– Там же стоянка татарская – Астрахань.

Атаман повернул голову в сторону Егора Бардоша и приглушенным голосом сказал:

– Егор. Ты много раз рассказывал, как в поле полевал, как с крымчанами бился, ты и по Волге и Каспию плавал.

– Было, все было, о Господи! – вдыхал и кивал Егор. – В мои молодые годы мне несколько раз доводилось бывать в низовьях Волги.

---

¹² Огурство – упрямство.

– Ты, видно, ушкуйничал? Персидские берега шаркал? – спросили его.

– Вроде того, – нехотя протянул старый казак. – Да что вспоминать! Волгу я хорошо знаю. Плоты и струги прогнать сумею.

– Вот и ладненько, – сказал атаман. – Если плоты умел гонять, то и нас спустишь в низовье Волги.

– Но там же татары? – опять тревожно спросил кто-то.

– Есть там у меня знакомые люди, да и проток там у Волги десятки, смекни, только надо выбрать верную – и татар объедешь, – просто ответил Егор.

– Уж я постараюсь, услужу тебе, атаман, – в сердцах продолжил он.

– Не мне, казаче, а людям. Тем, кто жаждет свободы. А тебе от них будет слава, – с подъемом ответил ему атаман.

Бардош помолчал и вдруг спросил, впиваясь в задумчивое лицо атамана:

– Скажи мне, Исаевич, что такое слава?

Атаман немного помолчал, а потом тихо, но уверенно сказал:

– Слава – это любовь народная, это гордость людская, что есть у нас богатыри, что смело стоят за свою свободу и готовы за нее на все.

– Спасибо, атаман, – ответил Егор. – Расстроил ты мою память, расстроил. Но туги¹³ меня одолевают!

– Перестань, казак! Разве твоя голова уже на плечах плохо держится? Ветром что ли качает? О какой туте говоришь?

– Очнись, Андрей Исаевич! Сердце-то у тебя разве не русское или забыл, из какого корня вырос, из какого колодца воду пил? Не из рязанского ли?

– А, вон ты о чем? Понятно, дорогой, понятно. И у меня сердце не на месте. Хорошо, посмотрим, как повернется дело.

---

¹³ Туга – скорбь, тоска.

Глава VII

Упустишь огонь – не потушишь

1

Рязанский наместник, недавно назначенный Московским государем, получив донесение о казачьем непослушании, был вне себя.

– Ага, бунтовать вздумала вольница.

– Да нет, – отвечал посланник, – бунтовать они не хотят. Просят оставить их у своей землицы и на прежней службе.

– Ты тоже, смекаю, гнешь сторону воров и татей и их улещиваешь жить на старый свой корень, – заметил наместник посланнику.

– Нет, нет. Просто жаль казаков. А они нам ой как еще понадобятся!

Но наместник, желая показать себя умелым усмирителем, тотчас послал в Гребни конный отряд под командованием сотника Григория Волнина.

– Бунт срочно надо подавить, – напутствовал он его. – Упустишь огонь – не потушишь.

Отряд, бодро выехавший из города, вскоре поубавил пыл и с трудом плелся по глинистой вязкой почве. Всадники растянулись гуськом. В сумерках они въехали в рощу. Между деревьями мелькнуло несколько человеческих теней.

– Кто там бродит? Стой! – крикнул Волнин.

Одна тень отделилась и приблизилась к дороге.

– Кто такие, говори? – спросил сотник.

– Стародубовские мы, – ответил ему человек в кожухе и с рогатиной в руке.

– А это что за люди, – показал Волнин плеткой в другую сторону.

– Червленцы, – ответил спокойно мужик, – тоже не хотят съезжать с землицы.

– Зови их сюда и айда в деревни.

– Это не можно. Нам велено здесь стеречь дорогу.

– Кем велено?

– Да мирским сходом.

– Сходом? Так вот вы кого слушаете. Я вам покажу, как бунтовать. – И сотник полоснул мужика плетью по голове. Тот отскочил.

– Ребята, бьют! – крикнул он, отбегая в сторону, и все тени людей рассыпались и исчезли за деревьями.

Несколько всадников бросились за ними, но лошади вязли в мшистой почве, и они с трудом выбрались обратно на дорогу. Сотник Волнин выстрелил в сторону убегающих. Желтый свет блеснул в темноте, и выстрел гулко прозвучал в тихом лесу.

Отряд продолжил движение. Приехав в Гребни, они остановились перед закрытыми воротами.

– Кто такие? – спросили их через щель караульщики.

– Отряд рязанского наместника, – сообщил Волнин, и ворота раскрылись.

Проехав по станице, сотник убедился, что во дворах людей почти нет.

– Трубите в трубу, – отдал он приказание. – Собрать всех жителей у правления.

Но жителей оказалось очень мало, в основном старые люди и несколько женщин с детьми.

– Где остальные? – спросил Волнин у собравшихся.

– Ушли в леса, а куда, нам неизвестно.

– А где староста?

– Ушел вместе со всеми.

Собрав сведения, что делается в окрестных деревнях и убедившись, что с полусотней кавалеристов ему дерзновенных казаков не сломить, он послал наместнику записку.

– Прошу прислать воинскую силу побольше. Ослушники укрылись в лесных «острожках», чтобы их разыскать, окружить и захватить, необходимы дополнительные силы. И далее:

– Уже и в Червленной и Стародубовской и других деревнях ходят шайки скопом и заговором, с дрекольем и палашами, у церкви бьют в набат и собирают мирские повальные сходы.

Наместник понимал, что медлить нельзя, надо посылать на усмирение казаков не менее трех сотен всадников с пушками. Но на дворе была непролазная осень, а впереди зима.

Решено было отложить это до весны.

2

А казаки в это время собирались в путь. Ближе к весне, когда сильнее начало пригревать солнце, когда днем уже сбегали ручьи, а ночью еще приморозивало, собрались на сход.

– Казаки, стар я стал, трудно уже атаманить, – обратился к казакам Щедра. – В дальний путь собираемся, и атаман нужен помоложе, – он посмотрел на своего сына Степана.

– Решайте, дело серьезное.

– А что решать? Степана изберем, казак отменный, службу познал сполна, – предложил кто-то.

– Щедрина в атаманы. Степана, – понеслось из уст собравшихся.

Степан вышел в центр. Снял шапку, перекрестился и поклонился на три стороны.

– Кто за? – спросил Щедра.

Громкое «любо» с поднятыми в руках шапками прокатилось по округе.

Здесь же назначили день отправления.

В назначенное время стали прибывать телеги. Их сгрудилось больше сотни. Собрались родичи уезжающих. Плач их, казалось, доходил до самого неба. На телеги грузились мешки с домашним скарбом, садились бабы с детьми. Полсотня казаков, холостяков, рысила неподалеку, на маленьких лохматых конях, в готовности сопровождать станичников.

Степан Щедрин, избранный совсем недавно атаманом, четко отдавал команды. Чем спокойнее и медленнее он говорил, тем торопливее бегали и суетились отъезжающие. Путь предстоял длинный, все нужно было захватить, ничего не забыть.

Большинство уезжающих вздыхали, что им не придется больше вернуться обратно. И только друзья Степана – Гладков, Курдюков – восторженно подбадривали земляков:

– Пусть теперь ловят нас, пусть догоняют. Не бывать на нас боярского хомута!

Ранним утром, когда солнце бросило первые розовые лучи, обоз тронулся. Длинный поезд растянулся по нераскатанной дороге. Родичи шли рядом с телегами, причитали, плакали, прощались, некоторые падали, потом отставали. Лошади, на которых ехала семья Степана Щедрина, тащили возок по размытой, исковерканной дороге через, казалось бы, непроходимую засеку, но проводники чутко находили тропу, обходы и пролазы.

Через несколько дней пути сумрачная чаща кончилась, и показалась прогалина. Потянулись кое-где засыпанные еще снегом равнины, деревни. Деревянные колеса телег раскатывались на поворотах. Лошади то шли шагом, то рысью догоняли передних. Возчики покрикивали на лошадей.

Степан ехал в середине обоза в крытом возке, обшитом рогожками, запряженном двумя конями. По бокам рысили по два караульщика с пищалями за плечами и с бердышами на поясе. За телегой шла его оседланная лошадь. Степан изредка отдавал распоряжения, и тогда конный стражник мчался либо в голову, либо в хвост обоза. В возке сидела его жена Настя

в шабуре, туго подпоясанном красным кушаком. Голова ее была закутана так, что виднелись только черные глаза. На облучке сидел их пятнадцатилетний сын Федор.

– Но-но, – покрикивал он на лошадей, размахивая хворостиной.

Лошади потряхивали головами, но продолжали идти обычным шагом.

Иногда Настя начинала причитать:

– Потачил ты нас, Степан Андреевич, невесть куда. А по степи поедем, как бы татарва в полон не взяла.

– Нашего ерша еще не поймали, – шутил Степан.

– А ежеле поймают?

– Пусть сперва попотеют. Татары будут рыскать, когда трава подыметься.

Обоз шел не останавливаясь.

– Потом отдохнем, – говорил Степан, – Подальше отойти надо.

Когда по пути встречались деревни, обоз огибал их лесными дорогами, чтобы никто не встретился.

– А то разблагостят, – говорил Степан.

В сторону от тропинок внутри леса нельзя было сделать и несколько шагов. Валежник, упавшие стволы деревьев лежали грудями, гнили. Новые поросли пышно выбивались между трухлявыми стволами и стояли непроходимой стеной.

Иногда леса кончались. В оврагах кое-где еще держался снег, а по равнине уже желтела прошлогодняя трава.

Дон, по-над которым они двигались к «переволоке»¹⁴, набухал. Подтаявший лед темнел полыньями. Кое-где на берегу обнажились желтые песчаные прогалины.

Когда они добрались до Волги, десять стругов стояли рядом по берегу, на деревянных катках, и плотники во главе с Егором Бардошем, доканчивали работу, законопачивая пазы и заливая их смоляным варом.

Ждать пришлось недолго. Как только большой лес прошел, струги были спущены на воду, и рязанцы стали грузиться.

На первых стругах погрузились семейные казаки с бабами и детьми. На передней части они разослали сenniки, мешки, тулупы, поставили свои сундуки. На других стругах погрузились остальные казаки. Скарба у них было немного. Выставили охрану и тронулись в путь.

Степан, не любивший оставаться без дела, присоединился к двум рулевым, которые под руководством Егора Бардоша управляли громадным веслом-потесью, сделанным из целой столетней сосны. Это весло служило рулем.

Волга в этот год, как никогда, сильно разлилась. Перед Астраханью она представляла из себя огромное озеро, среди которого островками едва угадывались крыши домов и верхушки деревьев.

Но струги шли вперед без весел, одним сплавом. Вверх тоже редкие суда проходили на веслах или под парусами.

В шестом часу поднялась буря, и струги поставили на якорь. К вечеру непогода усилилась. Волга бушевала, волны яростно бились о берега. Потоки дождя обрушились на струги. Казаки, проклиная татарский город, встретивший их дождем и бурей, дрогли, прикрываясь кто чем мог. Ходить было невозможно. Ветер сбивал с ног.

– Ночь предстоит злая, – говорили на стругах. – Вон, как рвет Волга.

– Это, наверное, татарские демоны нагнали на нас бурю и ливень? – сказал кто-то уныло.

– А может, это указывающий нам хороший знак, – послышался голос бодрее.

– Демоны, не иначе, не хотят впускать нас в свои земли.

А буря и ливень неистовали над рекой.

---

¹⁴ Переволока – место, где Волга и Дон близко сходятся, и где суда переволакивались из одной реки в другую.

– Что будем делать? – задавали друг другу казаки, собравшиеся у атамана. Одни предлагали переждать непогоду, другие – рискнуть и попробовать проскочить. Решили не дожидаться.

– В такую погоду и татарская стража, поди, попряталась, – заключили старики.

– Лишь бы в устье войти, а там ищи-свищи, – говорили они, терзая Бардоша – сможет ли тот в такую погоду найти нужную тропу.

– Действительно, здесь Волга имеет десятки устьев, и не дай Бог зайти в неверное. Можно затеряться между островами в камышах или завязнуть на отмелях, – задумчиво объяснил Егор. – Но я постараюсь.

Перед утром снялись с якорей. Канаты ослабли, и вода закипела у бортов. Течение реки понесло струги вниз по реке.

– Приготовить весла, – отдал команду Степан, хотя весельники уже по команде Егора расположились на своих местах.

Струги сносило к противоположному от города берегу. Погода стала меняться, ветер затихал. Коренастый рулевой вместе с Егором налегал на руль и, щурясь, пристально всматривался в даль. На грани поверхности реки и туманной дали с нависшими серыми тучами протянулась тонкая полоса камышей. Там многочисленными руслами вливалась в Каспийское море великая река Волга.

– Мель! Струг царапает дно! – прокричал рулевой.

– Дай правее, входим в протоку, – распорядился Егор.

Берег, заросший камышом, стал отдаляться. На равнине показались всадники в долгополых шубах и остроконечных меховых колпаках. Они повернули к реке, въехали в воду и остановились на отмели, потрясая короткими копьями, выкрикивая непонятные слова. Коротконогие кони, с толстыми шеями и длинными гривами, храпели и фыркали, обнюхивая пронесившуюся воду.

Но струги уже вошли в нужную протоку и вскоре исчезли из вида. Весельники длинными тонкими шестами промеряли глубину. Течение реки проносило холодные валы и на них вертевшиеся соломинки и сухие ветки. Огромные стаи болотных птиц проносились над густыми камышами.

– Я вижу море! – закричал наблюдатель.

– По веслам, – зычно отдал команду Бардош и стал четко задавать ритм гребцам.

Весла пенили мутную зеленоватую воду, равномерно поднимаясь и опускаясь на ее поверхности.

– Приглядись, атаман, к воде, – обратился Бардош к Степану. – Мы идем уже не по Волге, а по соленому морю – по Каспию.

Над ними стали виться чайки.

– Гребите! Гребите! Мы спускаемся в море, – прокричал обрадованный Степан.

Гребцы напряглись изо всех сил, то наклоняясь вперед, то откидываясь назад, почти падая на спину.

– Отверни правее! – скомандовал рулевому Егор. И тот вместе с напарником налегли всем телом на длинный руль, слегка заворачивая струг в сторону.

А за ними, словно в боевом строю, торопясь, чтобы не отстать, следовали остальные суда.

Часть вторая Казачи на Тереке

*Ты откуда, удалой добрый молодец, Ты коей земли, коей орды?
Как тя путь зовут по имечку, Величают по изотчине?*

Ф. Энгельс

Глава I Первенцы свободы

Нежелавшая подчинения Москве казачья ватага, пройдя по Дикому полю к переволоке на Волгу, спустилась в Каспий и оттуда вошла в Терек.

Сюда, как в былые времена на заставу богатырскую, стекались разные люди. Стекались все, кто, чуя в себе силушку великую, хотел показать свою удаль молодецкую, добыть себе чести и славы.

Стекались сюда те, кто искал себе спасения от холопства невольного, от прикрепления к земле, к тяглу, к помещику.

Московское государство начинало зажимать в крепкие тиски своих граждан, возлагая на них тяжелые обязанности перед государством – обязанности, не соответствующие правам. И

вот, кто хотел избавиться от этих тисков, от тяжести податей, налогов и от произвола дворян да бояр государевых, кто жаждал вольной, свободной жизни, бежали на берега запольных¹⁵ речек.

В устье Терека, куда, прячась от Москвы, добрались рязанцы, располагалось разношерстное поселение – Тюмен. Жил там всякий люд: русская вольница, бежавшая с Волги, татары казанские и астраханские, армяне, персы, кабардинцы, кумыки.

– Селитесь в нашей слободе, – предлагали волжане, – здесь Терек не подтопляет.

– У нас места много, – предлагали татары и персы.

Казаки, выбрав место, где было не так сыро, расположились особняком.

Но вот как бывает. Было тепло, и светило солнце. Вдруг набежала туча, и пошел сильный дождь, все затопил, все омрачил, испортил. Разгрузившись, утомленные долгой дорогой казаки моментально забылись во сне.

А утром оказалось, что их обворовали.

– Уходим отсюда, – посоветовали старики атаману. И они стали пробираться вверх по Тереку.

Через несколько дней уткнулись в крутые и лесистые берега Сунжи. Впереди владения малокабардинцев, южнее – чеченцы, сзади – кумыки.

Первыми казаков встретили кабардинцы.

– Салам алейкум! – приветствовал их князь Илдар в урочище Голого Гребня.

– Салам, салам! – добродушно отвечали им прибывшие, когда толмач перевел приветствие.

– Откуда прибыли?

– Едем издалека. Где были, оттуда сплыли. Ищем работенки, пока есть силенки, – шутливо за всех отвечал старый казак Егор Бардош.

– Что привело вас сюда, люди? – вновь поинтересовались кабардинцы. И рязанцы, не таясь, рассказали им о причине своего бегства.

Кабардинцы, видя, что приезжие носят оружие, а это признак их свободы и достоинства, да еще оружие огнестрельное, редкостное в то время на Кавказе, предложили:

– Селитесь здесь, эта земля на стыке горских владений – ничейная, порожняя, – показывали они руками. – Будем соседями.

Казакам местность понравилась. Рядом с рекой лес, дальше гребни гор, у подножия ровные поляны травы в пояс. Коси сено, паси скот, паши землю, сей хлеб. И безопасно – никакая царская погоня не достигнет.

Стали строить дома, возвели станицу и назвали ее Гребенской. С первых же дней казаки стали куначиться с кабардинцами и чеченцами. Покупали у них скот, зерно, завели хозяйства. Ну, думали они, теперь нас никто не тронет. Но стал пропадать скот. Проведенное расследование показало, что следы вели в аулы.

– Надо проучить воров, – слышалось на сходе. Но старшие посоветовали:

– Кто же в чужом краю наводит свои порядки. Давайте воровскому обычаю горцев противопоставим свой: надежно охранять себя и не давать повода для краж.

– А для начала давайте съездим к моему кунаку – Асланбеку, может, он что посоветует, – предложил Степан Щедрин и назвал, кто с ним поедет в аул.

Выехав рано утром из станицы, они уже в полдень подъехали к подворью Асланбека. Продолговатая сакля из двух комнат с небольшими оконцами без стекол, обращенными к югу, согнулась под тяжестью времени. Невысокие стены из плетеной лозы, обмазанной глиной, местами обнажились, и прутья торчали, словно голые ребра. В углу просторного дворика располагалось приземистое строение. В нем заржала лошадь, услышавшая голос мужчин. Рядом с конюшней хлев, курятник, амбар – все, что потребно в хозяйстве.

---

¹⁵ Запольные – лежащие за Диким полем.

Хозяин дома, кабардинец Асланбек, вышел из хлева с деревянными вилами в руках. Увидев гостей, с которыми приехал к нему кунак, он прислонил вилы к стене, шагнул навстречу.

– Салам алейкум, Степан! – приветствовал он кунака. – Рад видеть в своем доме гостей!

– Алейкум салам! – ответил на приветствие Степан и стал представлять Асланбеку товарищей.

– Я знаю. Вот Андрея и Федора я уже знаю, рад и с другими познакомиться, – и он пожал всем руки. В его признательном взоре смешались удивление и восторг.

– Уж как я рад! Сейчас позову толмача, без него не обойтись – ваш язык знаю плохо, да и вы наш еще не освоили.

Он тут же отдал какие-то распоряжения домашним и предложил:

– Прошу в дом, Степан.

Дверь в комнату, которая оказалась кунацкой, грубо сколоченная из двух чинаровых досок, вела прямо со двора. Чтобы легче было перешагнуть через высокий порог, у самого входа лежал плоский булыжник – ступенька. По обычаю горцев, Асланбек пропустил гостей вперед. (При выходе впереди выходит хозяин). И не успели они оглянуться в комнате, как в нее внесли войлочные подстилки, лавки, и Асланбек пригласил присесть.

Вошел толмач.

– Салам алейкум! – сказал он, слегка поклонившись хозяину и гостям.

– Обмойте руки с дороги, – предложил он гостям. И те увидели, как девушка поставила у двери тазик и кумган¹⁶.

– Садитесь, – сказал хозяин, когда гости ополоснули руки. И пошла беседа. Спросили друг друга о домашних делах, о детях, родственниках.

– Как перезимовали? – поинтересовался у Степана Асланбек.

– Слава Богу, – ответил тот. – Кормов хватило, да и сами не голодали.

– Но вот, Асланбек, что нас беспокоит: участились кражи скота, были и нападения. Скажи, что это значит и кто бы это мог?

– Точно не знаю, – ответил Асланбек. – Но это не наши. Думаю, что это абреки с гор. А толкнуть их на это мог или голод, или науськивание турецких эмиссаров, которые в последнее время стали все чаще здесь появляться.

– И что же нам посоветуешь делать? – спросил его Степан.

– Своим людям я скажу и разбойников мы принимать не будем. А вы усильте охрану и давайте вместе разберемся, кто не хочет мирно жить с соседями.

Казачи переглянулись. Ответ Асланбека им понравился, и другого им было не надо.

Стали вносить угощение. Запахло мясом, чесночным соусом, и разговор продолжился.

Рядом с Асланбеком сидят родственники и соседи, напротив Степан с друзьями. Казачи крепки в кости и, в отличие от них – бритых, с шевелюрой на головах. Асланбек в черкеске и мягких сапогах. Казачи в цветных рубашках и холщовых штанах, как море разливное.

Хозяева за столом с уважением относились к гостям.

– Вот берите барашка с вертела да кумыс, – в один голос предлагают они им.

– Налей нам еще максымы, – сказал Асланбек дочери, которая помогала тут с угощением.

– Мир и достаток твоему дому, Асланбек, – благодарили казаки хозяина, когда его дочери в очередной раз подавали угощение.

Асланбек улыбнулся и торопливо поднялся от очага.

– Угощайтесь, угощайтесь, гости дорогие, – говорил он в сердцах. Ведя разговор с гостями, он отцовским взглядом углядел, что уж очень один из гостей на его дочь поглядывает.

«Да и сама Асият, видно, к нему равнодушна», – подумал он. На три дня к старшей дочери отпустил и вот гляди – перемигиваются. Хороша у него младшая Асият – гибка, как

---

¹⁶ Кумган – кувшин для умывания.

серна, юна, а грудию нее уже, как башни. Кожау нее как оливки, волосы как черный виноград, выются – змеятся, как лоза. Но и парень не промах, такой умыкнет, и делать нечего. Видно, очень понравилась ему Асият, вон как пылают щеки.

– Эй, Асият, дочь моя, дорогая, ненаглядная, угощай еще гостей.

Засмеялась Асият – поняла отца. Подавая парню следующее блюдо, она в упор посмотрела ему в глаза и отпрянула. Андрей взглянул на Асият и густо покраснел. Она, заметив это, опустила глаза.

Поставив закуски, девушки вышли из кунацкой, пятась, так как по обычаю не полагалось оборачиваться к гостям спиной.

– Асият, ты видела, как смотрел на тебя тот парень? – тихо спросила ее сестра, когда они вышли из кунацкой.

– Бессовестный, не постеснялся даже отца. Не знаю, что подумают родственники.

А тем временем в кунацкой уже шли по кругу чаши, наполненные максымой. Андрей отказывался от напитка и, как только появилась возможность, вышел на двор. Асият с сестрой стояли у калитки. Когда он подошел к навесу, раздался голос:

– Что ты ищешь?

Он вздрогнул, но быстро нашелся:

– Просят максымы.

– Асият, набери ему максымы, кадка там под навесом, – сказала сестра.

Асият, склонившись над кадкой, стала наполнять максымой кувшин, который кстати оказался тут же. Андрей взял ее за руку и попытался обнять. Асият до того растерялась, что сначала не оказала ему сопротивления. Он успел поцеловать ее в плечо.

– Душа моя, красавица! – шептал он, жарко дыша ей в ухо.

– Пусти! – вырываясь из объятий, сказала она и оттолкнула его. Подошла сестра, и Андрей пошел обратно в кунацкую.

– Нужно еще максымы? – спросил он сидящих и, не дожидаясь ответа, подал им кувшин. Чаша, наполненная максымой, вновь пошла по кругу.

А сестры во дворе продолжали разговор.

– Хороший парень, правда? – спросила старшая.

– Кто, кто? – покраснев, переспросила ее Асият.

– Кто-кто – Андрей. Что он тебе говорил?

– Красавицей назвал, пытался за руку взять, – отвечала та, опустив голову. – Только не судьба нам быть вместе.

– Почему?

– Разве отец отпустит меня из аула?

– Не огорчайся, – сказала сестра. – Ты все-таки свободная. Самое худшее, если тебя выдадут замуж против твоей воли.

– Ах, душа моя, неужели ты думаешь, что я этого не понимаю? – Асият со слезами на глазах кинулась на шею сестре.

– Знаю, что ты несчастна. Но что же мы можем поделать, если Бог уготовил нам такую судьбу?

После сытного обеда все вышли во двор. Асланбек показал гостям своего коня.

– Красавец! Вот это скакун, – восхищенно хвалили казаки лошадь.

– Наша порода – кабардинская, таких в округе немного, многие на нее заглядываются, – ответил довольный Асланбек.

Сели под старой чинарой – гордостью Алибекова двора: не было ни у кого из соседей такой. И снова пошел разговор.

– Вот ведь совсем недавно перебрались сюда с далекой Московии, а мы уже начинаем родниться, – сказал кто-то из родственников хозяина.

– Пошел уже пятый год с той муторной поры, когда мы прибыли сюда. Вспоминать не хочется о всех злоключениях, которые пришлось испытать в той дороге, – ответил один из казаков.

– А вы нам сразу понравились, – заметил следующий родственник, – просты, трудолюбивы, готовы всегда нам прийти на помощь.

– Да, не для наживы мы прибыли сюда, а на тяжелый, добровольный труд, на опасную, но свободную жизнь, – сказал Степан. И вспомнил не выпадающие из памяти напутствия вольных людей в Тюменском городке: сумеете себя защитить, живите в мире и согласии. Только преобразующими делами вы сможете завоевать доверие и уважение горцев. А Асланбек, словно прочитав его воспоминания, продолжил:

– Но кто-то хочет нас рассорить. У нас тоже участились кражи. Наши князья враждуют, а достается нам. Обижают нас и крымские ханы, требуя все больше и больше дани.

– Мы готовы вам помогать, – горячо пообещал Асланбеку Степан, на что тот ответил:

– Я поговорю с узденями¹⁷, мы вам тоже поможем, – и рассказал о ситуации, складывающейся в Кабарде.

В Кабарде еще с начала XVI века образовалось два основных княжеских объединения, вошедшие в историю как Большая Кабарда (князь Кайтуко и его дети: Пшеапшоко, Асланбек, Теншануко, Кайтуко и Жансох. Определенное время здесь оставались и сыновья Идара: Темрюк, Биту, Желегот и Канбулат) и Малая Кабарда (Джиляхстан и его дети: Жамырза, Лаурсан, Каншао и Дзагашта). Разделенные рекой Терек, эти владения в дальнейшем разделились на более мелкие княжества, уделы.

Дети Идара, которые имели удел в Большой Кабарде, в результате раздоров с многочисленным коленом князя Кайтуко (двоюродный племянник Идара) вынуждены были уйти во владение своего двоюродного дяди Джиляхстана, который создал свой удел на огромном пространстве правобережья Терека. Со смертью Джиляхстана, старшим князем по возрасту был Темрюк. Он попытался установить свою власть князя-валия, но потомки Джиляхстана это восприняли без восторга. Начались ссоры, раздоры. То есть в условиях феодальной раздробленности, когда каждый удел стремился к верховенству, своеобразная жизнь того времени породила массу причин для зарождения междоусобиц.

Разговор продолжился опять в кунацкой. Договорились о взаимодействии при опасных ситуациях и взаимной помощи при необходимости.

– Степан, если случится кража или угон, берите след и прямо к нам, мы передадим след¹⁸, – заверил атамана Асланбек, – так мы выясним быстрее, кто же тут промышляет.

– Но и вы надейтесь на нашу подмогу, – просто заверили казаки узденя. – Мы ведь с вами здесь как бы на краю земли.

Многие казаки по своему казачьему ремеслу много ездили по Дикому полю, захаживали на окраины земли русской, перемерив ее не раз, но края земли, о которой часто говорили в семьях, не обнаруживали. А вот здесь, на новом месте, вдали от родного гнезда, глядя из крохотного оконца кунацкой, за которым глухо мерцают гребни недалеких гор, верится без сомнения, что гребни похожи на зубья дракона, а гряды лесистых гор смахивают на туловище идолища поганого, и таится тот скорбный черный провал без края, где плавает великанский кит, держащий на хребтине мать-сыру землю.

Наверное, если где и возможно чудо, то лишь на Руси – столь пространственна она. А этот завораживающий простор и есть преддверие близкого чуда и неисповедимой тайны.

---

¹⁷ Уздень – дворянин (каб. узркъ).

¹⁸ Передать след – указать направление грабителей, если следы уходили из данного аула.

Шло время. В ауле стали постепенно забывать о приезде гостей. Только Асият все чаще задумывалась и вспоминала красивого казака, с которым обменялись всего несколькими словами.

– Любовь, видимо, завязалась, но не суждено ли кончиться ей одним началом? – думала Асият. Она сделалась примерной девушкой. Ее не испортили жестокостью, ее не приучили к необходимости хитрить или думать о замужестве во что бы то ни стало. Ей и дома было очень хорошо. Но другие, новые заботы ждали своей очереди. Девушке уже исполнилось шестнадцать лет, и, по всей видимости, ей недолго осталось жить под отцовской крышей.

Глава II

Без охраны нельзя

1

Вскоре Степану Щедрину опять сообщили, что стал пропадать скот.

– Слышал, что по Тереку конокрады шалят, – задумчиво отвечал он. – Видели их и возле Курдюковской. – Он попытался расстегнуть ворот рубахи, но остановился.

– Что, и в Курдюковской? – вразной спросили его казаки.

– Да, видели их в терновой балке, что-то замышляют, подкрадываются.

– Ха-ха! Мы им подкрадемся, они у нас получают на орехи, – сказал один из станичников и засмеялся.

– А ржать тут нечего, поди, не чужие, чтобы радоваться, – осуждающе произнес атаман. – Чтобы не подкрались, надо принимать меры.

Стали решать, что же предпринять.

– А что, если наперед на их аул напасть, – предложил кто-то.

– Нет, не дело это – лезть со своим уставом в чужой монастырь. Мы же не знаем, откуда эти разбойники.

– Надо устроить засаду, – снова продолжил тот же казак.

– Это можно, – ответил Степан. – Помните, кунак так и сказал: «Надо бдительнее себя охранять». А повода к воровству ни в коем случае давать нельзя.

Хозяевам он посоветовал временно поночевать при лошадях.

– В случае тревоги стрелять из ружья без промедления, – инструктировал он. – Но лучше бы взять воров с поличным.

В ночь с субботы на воскресенье станица проснулась от шума. Заходились в лае собаки, срывались на визг. Во дворе казака Варлыги стучали и кричали. Степан пошел к куреню, понимая, что произошло что-то страшное. С неба лился лунный свет и освещал двор.

На базу крутились в белых рубахах. У плетня наготове стоял сосед с ружьем.

– Утяните его, – кричал кто-то в свалке. – Гришка, вяжи его.

Раздался выстрел вверх.

Атаман прошел на баз. Там лежал кто-то неподвижный, может быть мертвый. Хозяин двора вместе с сыном прижимали к земле другого бьющегося человека. А затем, отпустив его, стали бить ногами.

– Коней хотели увести! – кричал старик. – Убью!

– Степан, останови их, – прокричала, подбежав к атаману, хозяйка. – Не дай пролиться крови.

– Дай мне! – прокричал подбежавший к дерущимся сосед и хотел с размаху ударить ружьем лежащего на земле человека.

– Остановись! – твердо сказал Степан, подходя ближе. – Что там, конокрады?

– Они собрались уже увести коней, но мы не позволили, – рассказывал в горячах старый казак Варлыга. – Двое успели сбежать.

Возле стены сарая Степан разглядывал лежащую фигуру с поджатыми ногами. Когда тело перевернули, из груди раздался прерывистый стон.

Атаман перекрестился.

– Да он живой, – сообщила хозяйка.

– Значит, парняга уже вытащил счастливый билет, – сказал он.

– Завтра отвезем их в аул, – распорядился Степан и пошел к себе.

А по станице понеслось:

– Там двоих воров прибили, – передавали друг другу спешившие на шум станичники.

На следующее утро казачья делегация выехала в чеченский аул. Небо совершенно потемнело. Черные тучи предвещали или грозу, или сильный дождь. Однако все обошлось благополучно. Уже в полдень казаки были на месте.

Узнав о причине приезда станичников, на аульскую площадь собралось почти все население.

– Милости просим в кунацкую, – пригласил чеченский староста.

– Благодарим за гостеприимство, – отвечал посланный старшим Гладков. – Если дело дойдет до угощения, мы не сомневаемся в вас. Но теперь не до него.

– Что вы хотите? – спросил старшина.

– Мы привезли двух ваших джигитов, захваченных на воровстве, – отвечал Гладков, – осудите их сами, по своим законам. А те, что убежали, пусть вернут украденное. – И он дал команду развязать пленников.

– Хоть мы и не родились между вами, но сделались соседями, а со многими и кунаками. Уже много лет живем мы вместе, и до сих пор никто, сколько нам известно, не проявлял к вам недовольства. Надеемся, и в ваших сердцах нет против нас ничего дурного.

– Верно, уважаемый, – почтительно отвечал старшина. – Живите себе на здоровье. Будем, как и прежде, добрыми соседями и кунаками.

– Тогда давайте удерживать свою молодежь от лихачества и разбоя, а то так и до крови недалеко, – продолжил Гладков.

– Правильно говоришь. Извините за наших джигитов, а с ними мы сами разберемся, – заверил старшина. – А за причиненный ущерб родственники грабителей вам заплатят.

– Верно я говорю, люди? – обратился он к толпе.

– Верно, верно! – раздалось из толпы и вновь потянулось молчание.

– Если так, медлить нечего. Давайте сразу разрешим этот вопрос. И мы оставим аул. К вечеру нам надо быть дома.

– Нет, так не пойдет, – сказал старшина. – Без обеда мы вас не отпустим, правда, люди?

– Правда, – ответила толпа.

– Что это? Неприятели или соседи приехали сюда? – шутили горцы. – Мы вас так не отпустим.

Гладков повернулся к товарищам.

– Отобедаем?

– А то, что тут зазорного, – ответили те.

– Да не будет обиды вашим очагам, – в сердцах произнес Гладков, обращаясь к чеченцам. – Мы всегда рады хорошему обхождению. Остаемся.

После трапезы казакам вернули награбленное, и они вернулись в станицу.

2

Вскоре в станице собрался сход.

– Что будем делать, братцы? – спросил у казаков атаман. – Как жить дальше?

Тишина и снова тот же вопрос.

– Для охраны своих поселений надо возрождать казачью службу, – предложил старый казак.

– Это как в Червленном Яру? – спросили его.

– Точно! Соорудим для своей защиты засеки, и будем поочередно нести охранную службу.

– Но это же будет далеко, придется отрываться от дома, – посыпались вопросы.

– Так по очереди.

– А работать когда?

– Мы засеки, братцы, со временем заселим, – вступил в разговор атаман. – Вон сколько людей прибывает на Терек. А без охраны нам нельзя!

– Верно говорит атаман, – высказалось большинство. И когда Степан поставил на голосование, раздалось дружное: – Любо!

Воистину человек предполагает, а судьба располагает. Разве мог подумать Степан Щедрин, что казаки вскоре займут такую обширную территорию. Уже через год выстроились понад Тереком казачьи заставы, соединенные позже просеками в густых, непроходимых лесах. Скачи целый день – не обскачешь. Правда, куда скакать, только до Тюменя верст девяносто будет. Если же вверх по Тереку, то и вовсе версты не меряны.

– И, знать, все идет впрок, – размышлял Степан, – всякая наука поселяется в человеческом общежитие до своего времени и часу и незаметно оперяет человека и побуждает его к полету, к иным мыслям. Вроде ты прежний, но тебе-то не видно, как ты уже оброс крыльями и куда как высоко подымает тебя над землей.

Стараниями духа и мысли вовсе меняется человек не столько сердцем, но и обличем. Прежде Степан был петушист, угловат, прям плечами и дерзок на язык, а нынче стал носат, глазами глубок, обочья потемнели и заголубели, и в тех колодцах глаза наполнились глубоким чувством и притяжением, а лицо стало суровее.

– Если мыслями прикинуть пространство, которое под твоею опекою, то невольно оторопь берет, – размышляет атаман. – А одумаешься, тут и возгордишься собою.

– Будет в сих местах жизнь невиданная, – говорит он собравшимся у него казакам. – Много охотников до той жизни, ой, много, да не всем приведется, – качают головами старики. – Намедни ехал наш дозор к Гладкову, а на них напала шайка разбойников, абреков, по-горски. Одного нашего подстрелили, другого ранили.

– А ведь клянутся в дружбе, когда у них бываем, – поддержал его другой.

– Не отчаивайтесь, казаки! Корни мы пустили, а крона, как известно, вырастет. Все будет хорошо, – ободряюще сказал Степан.

Во дворе залаяла собака. Сказал Степан, а у самого беспокойство душу травит. Не стерпел, накинул малахай, вышел во двор. Вышел и будто бы крышу дома приподнял, вынырнул, а кругом земля давит, темь злая захлест, и куда хватает глаз, едва светятся снега. Терек под снегом не дышит. Сто домов без признака жизни, расположились улицами, а где-то караульные охраняют их покой.

Спит Гребенская у лешего за пазухой. Пораньше лег, пораньше встал, а все одно из ночи так и не выпал: до первого благословенного солнца царит в это время темень смоляного налива. Другим бы попасть сюда – волком вой от тоски: никакой утехи тебе, ни забав, ни престольной гульбы или гор-ледянок – покатушек. Кажется, не зовет это место к жизни, не высвечивает душу. Но Степану таково на сердце, будто из родины не выезжал. Жизнь налаживается, становится веселее. Холостые казаки, прибывшие с ним, давно уже поженились на горских бабах и детей уже нарожали смуглых, черноволосых, отзывчивых, но рискованных натурой.

– Весной решили казаки рубить еще одну станицу по Тереку, а о лесе нужно думать уже сейчас, – размышлял атаман, заходя снова в дом.

Глава III

Казачи открываються царю

1

Середина XVI века. Не успели уйти в небытие одни завоеватели, претендовавшие на мировое господство, как стали появляться другие и, в частности Османская империя. Под ее иго попадали все новые и новые государства. А притязания турецких султанов простирались все дальше и дальше.

Крымское ханство, зависимое от громадной и сильной Османской империи, раскинувшейся от Гибралтара до Восточного Средиземноморья, стало постоянной угрозой для жителей Северного Кавказа, и в первую очередь для черкесов и кабардинцев.

Походы многотысячных турецко-крымских войск на Кабарду и Черкесию стали почти ежегодными. Вначале турки и крымские ханы ограничивались лишь грабежами и взятием пленных. Потом их устремления пошли дальше: покорить адыгов и сделать послушным орудием в своей захватнической политике на Кавказе. Земли Черкесии и Кабарды, простиравшиеся от низовьев Кубани до реки Сунжи, впадающей в Терек, привлекали чужеземцев не только своим богатством, но еще и тем, что занимали важное стратегическое положение на Северном Кавказе. Турецкие султаны Сулейман I, Селим I и крымский хан Девлет-Гирей, укрепляя связи со своим сторонником шамхалом Тарковским – владельцем Кумыкского ханства в Прикаспии, надеялись навсегда встать твердой ногой на Северном Кавказе. Это было им необходимо еще и потому, что с берегов Черного моря через Кабарду турки и крымцы направляли свои войска в восточное Закавказье, где то и дело возникали их войны с Персией – сильной влиятельной соперницей в захватнической политике. И постоянной помехой в их планах было сопротивление, оказываемое кабардинцами и черкесами.

Казачи не раз помогали соседям обороняться от дагестанцев с востока и крымских татар с запада. Но силы были не равны. Крымский хан и турецкий султан требовали покориться Большой Кабарде, а Малой грозил шамхал Тарковский. Нападали на кабардинцев мурзы Астраханского ханства и Малой Ногайской орды. Со всех сторон угрожал им враг, они задыхались в его окружении. Казалось, нет спасения, и остается единственный выход – покориться Османской империи и Крыму. Но в Черкесии и Кабарде нашлись люди, уже давно обратившие свой взор на север, туда, где лежала Русь – страна, способная не только противостоять Османской империи и Крыму, но и защитить от них другие народы.

1552 год (7061-й от сотворения мира). Октябрь. Колокольным звоном всех церквей и соборов Москва возвестила о взятии Казани, а менее месяца спустя белокаменная столица Руси встретила посланников из далекой Черкесии.

Царь Иван IV принимал гостей в Грановитой палате Кремля, служившей для приемов иностранных посланников, заседаний и торжественных обедов.

По обычаю того времени, послы «Черкасские», прежде чем сказать слово, преподнесли ему дары – кольчугу со шлемом, саблю, дорогое конское снаряжение, яркий восточный наряд из персидской парчовой ткани.

Иван Васильевич и бояре вслушивались в чужой и незнакомый дотоле гортанный говор, вникали в смысл переводимых толмачами речей, всматривались в суровые и мужественные лица чужеземцев, проделавших путь в две тысячи верст.

Послы, представляющие свои княжеские владения, говорили о том, что турки и крымцы разоряют их земли, опустошают поселения, убивают и угоняют в рабство юношей и мужчин,

забирают в гаремы женщин и девушек. Князя «били челом», и старший из них, Машуко Кануков, обратился к царю с просьбой принять их земли со всем населением в подданство могущественной Руси и защитить от захватчиков.

Известия о начале русско-черкесских переговоров вызвали гнев крымского хана Девлет-Гирея, считавшего Черкесию своей вотчиной.

Хан отменяет свой поход на Москву и нападает на Черкесию. Он громит владения непокорных князей, в том числе и владения князя Албоздья, захватив его самого в плен.

После известия о крымском набеге на Черкесию царь отпускает посольство на родину. Вместе с черкесскими князьями он посылает боярского сына Андрея Щепотьева для выяснения на месте подлинных намерений адыгов.

2

Андрей Щепотьев, побывав на берегах Кубани, Терека, Баксана, Малки, хорошо узнал людей Черкесии и Кабарды, двигался в обратный путь.

Горы, освободившиеся от утреннего тумана, стояли словно нарисованные. Их снежные вершушки высились над лысыми скалами и утесами хребтов и тянулись на юг. Ниже зеленели сплошные леса, покрывавшие горы, а еще ниже курились долины, сверкали неподвижными лентами горные реки.

Яркое солнце стояло высоко в голубом небе и начинало пригревать. От обилия гор, бесконечного хаоса нагроможденных громад, от беспристрастного движения начинала кружиться голова.

Узкая дорога то вилась, то обрывалась, то снова появлялась под ногами размеренно, натруженно шагавших коней.

Щепотьев тяжело дышал. Он с трудом держался в седле и если бы не боязнь оказаться в пропасти, он давно бы пересел в свой возок и оттуда бы наблюдал за округой. Но кабардинцы, охранявшие его посольство, ехали почтительно, молча, неумолимо. Их ноги, по-видимому, не ослабели от пятичасового сидения в седле, лица были спокойны, свежи, и когда он встречался с ними взглядом, они почтительно улыбались ему, повторяя одни и те же слова:

– Теперь скоро!

Щепотьев повернулся к ехавшему рядом помощнику.

– Может, сделаем привал или хотя бы несколько минут отдохнем, – спросил он. – Я чертовски устал.

– Держитесь, ваше превосходительство, – ответил помощник, – теперь действительно недалеко.

– Сделаем петлю вокруг этого холма, – он показал рукой, – и выедем на равнину.

Едва он это проговорил, впереди раздалась выстрелы. Охрана ринулась вперед. Всадник, посланный выглянуть из балки, сообщил, что какие-то разбойники несутся прямо на них.

Послышался топот коней.

– Они приближаются двумя партиями, – прокричал тот же всадник.

Медлить было нельзя. Неприятель мог в любое время их заметить.

– Если врага нельзя избежать, то падем каждый за Веру, Царя и Отечество, – прокричал начальник посольской охраны Олексич – князь.

Пищальники, став на колено, дали залп по приближающимся абрекам, охранная сотня, высыпав из оврага, крупной рысью понеслась на противника.

Но что это? Отряд, рьяно несшийся на них, вдруг резко остановился и отпрянул в сторону. На него наскочил следующий отряд, и между ними началась сеча.

– Да это гребенцы настигли грабителей, – сказал кто-то из кабардинской сотни. – Они им спуску не дают.

– Тогда давайте поможем им, – крикнул командир, и они вместе с казаками погнались за разбойниками.

Казачья конница просто потрясла землю. Их крики, свист и топот коней доносились до самого посольского кортежа. Надежда разорвать на куски врагов и отобрать уносимую ими добычу придавала казакам бешеное нетерпение.

Проскакав версты две, казачий отряд начал растягиваться в длинную цепь и отставать. Чересчур сытые, невыезженные их кони уже не скакали, а тащились. Но двадцать-тридцать всадников на отличных конях продолжали догонять врага. Абреки, видя, что вслед за казаками скачет непонятный им конный отряд, побросали награбленное, пленников и вступили в обширный лес.

– Молодцы, гребенцы! – похвалил казаков Щепотьев, когда о погоне ему доложил помощник.

– Откуда только они здесь появились?

Окружающие молчали. Лишь один из кабардинцев заметил:

– А мы скоро будем проезжать их станицы.

Между тем солнце незаметно доплыло до крайней черты горизонта и остановилось на минуту на остром пике одной из гор, как бы за тем, чтобы взглянуть оттуда еще раз на пройденное пространство и потонуть за длинным хребтом. Красноватые, холодные лучи его робко трепетали на земле, вытесняемые постепенно черными полосками, которые начинали уже выбегать из горных теснин.

Вечерняя прохлада заструилась в неподвижном воздухе. Гладкое поле курилось душистыми испарениями. Наступил один из тех вечеров, когда стесненная полуденным зноем грудь жадно захватывает в себя налитый ароматами воздух, когда расслабленные части тела получают снова бодрость и силу. В душу человека проникает тогда какое-то тихое, светлое, невыразимо-сладостное ощущение. Все, что таилось в глубине сердца черного, эгоистичного – желчь, накопленная рядом неудач, безысходная тоска, мрачное чувство несбывшихся надежд, – все это уносится. Беспкойные порывы мысли затихают, уступив место безмятежному созерцанию и спокойному мечтанию.

После долгого утомительного пути посольский отряд выбрался на обширную поляну и расположился на ночлег.

Только в середине второго дня посольство Щепотьева подошло к Тереку, где располагалась гребенская станица. Широкий в низовьях Терек плавно катил к Каспию свои мутно-желтые воды. По обе стороны реки тянулся густой лес, над рекой тучами носились испуганные появлением людей кряквы, нырки, с трудом поднимались тяжелые, отъевшиеся в заводях гуси.

– А место казаки выбрали удачное, – заметил князь Олексич, рассматривая местность и что-то записывая себе в тетрадь.

– Вон там проходят два хребта – Сунженский и Терский. А здесь пролегает важный караванный путь с Крыма до Дербента и из Кабарды к Каспию.

– И кто это их надоумил? – удивленно спросил Щепотьев, и сам же ответил. – Ладно, приедем в станицу, расспросим.

У берега из воды, как сплетенные змеи, высовывались корневища склонившихся над рекой деревьев. Чинары, карагач, дикая груша и дуб закрывали небо. Здесь располагался казачий пост, который охранял одну из перелаз¹⁹ через Терек.

– Ух, и страшно же здесь, – говорил кто-то из сопровождавших, оглядывая мрачную, вековую, еще не тронутую топором чащу – И как тут только люди живут? Темь да вода, а вокруг туземцы.

---

¹⁹ Перелаз – переправа, брод (авт.).

– Ничего, живем тут уже много лет, не жалимся, – отвечал появившийся откуда-то казак-сторож. – Конечно, пройдет какая оказия али кто через переправу – все веселей.

– Страшная вода, – продолжал тот же сопровождающий. – Гляжу на эту реку, и страх берет! Сама темная, сверху тихая, а внутри, говорят, быстрина огромная.

– И много вы понимаете, – пренебрежительно сказал второй казак. – Батюшка-Терек – отец наш родной! Без него нам, казакам, смерть. Он и поит, и кормит нас. А уж если рассерчает, то действительно зверь. Да вы его такого и не видели. Это он такой в ростепель, весной, когда снега тают.

– А все-таки страшная эта река, – поддержал сопровождающего его товарищ. – Злая, как и все тут, на Кавказе. То ли дело наши – что Москва-река, что Клязьма али Ока. Тихие, спокойные, ласковые.

Депутация Щепотьева в окружении вооруженных людей, которые называли себя гребенскими казаками, въехала в станицу. Окруженная плетнем, засыпанном землей, колючим кустарником и рвом, она представляла из себя небольшую крепость. В воротах наблюдательная вышка и колокол, который не переставал издавать протяжный звон.

Пока двигались мерной поступью, Щепотьев насчитал более ста домов, крытых камышом, они передами глядели на улицу, из труб мирно вился дымок. И еще чему удивился боярский сын, когда они кружили по улицам, что в толпах людей, высыпавших на заулки, в подворья, на улицу, не виделось ни одного печального или завистливого, грубого или слезливого обличья. Казаки ликом были удивительно светлы, а телом крупны и породисты, и только темные продолговатые глаза да крупные туземные скулы отдельных выдавали присутствие чужой крови. Женщины были в ярких сарафанах и темных платках враспуск, девицы – в голубых расшитых рубахах с опояской, волосы убраны в тугие косы. И ни одной среди женщин старицы согбенной, подпирающей дряхлость свою батожком, как водится на всей Руси. Мужчины же, напротив, все в белом – белые длинные рубахи до колен, подпоясаны наборными кавказскими ремешками, такого же цвета портки, на плечах поддевки – все из свое дельного полотна. Немногие были в черкесках и выглядели поистине кавказцами. Но видно было, что эта одежда была дорогой и не всякому по карману. И снова меж мужчин ни одного трухлявого старика, прибитого годами. Будто и не изживался народ, а вечно молодел, так и тянулся в небо иль в ранних годах исходил на нет. «Но кабы в зрелую пору исходил народец, то давно бы уже извелись гребенцы и быльем поросли», – думал посол.

Вот открылся взгляду небольшой прогал, это была площадь, от которой расходились улицы, а на нем часовня. С виду не столь и великая, часовня оказалась на удивление емкая. В часовне шла служба, и согласное пение обволакивало ее пространство.

Процессия остановилась на площади – заполнила пустующий прогал.

– Вот мы и встретились, наконец, – сказал Щепотьев, присаживаясь на лавку, покрытую шерстяным ковром.

– И мы хотели бы вас послушать, – обратился к нему атаман.

Сидящий рядом с Щепотьевым помощник наклонился к нему и что-то сказал.

– А-а-а, бесенята, как же вы тут оказались, – завопил Щепотьев, а потом засмеялся скрипуче и мелко.

– Ну, с бесенятами ты полегче! – сказал атаман.

– Ежеле не бесенята, то почему спрятались? Почему живете не как добрые люди?

– Живем, как можем, – выйдя вперед, сказал старый казак Егор Бардош. – А сбежали мы сюда в поисках воли.

– Что? – перебил его Щепотьев. – Воли захотелось. Попрятались, как шиши, воры клейменные! Теперь мести боитесь, закона?

– Ничего мы не боимся, – раздалось из толпы.

– А на что надеетесь?

- Чтобы нас не трогали.
- Воля, когда во-о! – размахнулся руками Щепотьев. – А у вас – во-о! – показал он кукиш.
- Вы знаете, что всякая власть от Бога. И наш царь-батюшка издает законы, которые есть нашему народу исцелительное лекарство и путеводитель во всех предприятиях.
- Что это за законы такие?
- Есть законы и уставы единого нашего Бога и государя батюшки.
- Но мы в точности блюдем Божьи заповеди.
- Тогда пошто сокрылись от государя? Кто наместник Бога на земле? Царь! А вы от него сокрылись, аки таги, лиходеи. Вот в этом и есть ваша вина.
- А кто сейчас Великий князь на Руси? – робко спросил кто-то.
- И это ваш грех. Не знаете даже своего государя.
- А отчего, господин, с нами беседу ведешь, как с малыми детьми, – подал опять голос Бардош.
- Как не дети? – удивленно отвечал посол. – И в сам дел – истинно дети. Какой от вас прибыток на Руси? Спрятались и родину забыли.
- Родину мы чтим. Далеко она, но близка в памяти. Потому и тебя допустили, подобру-поздорову не спровадили, очень хотим спознать, как родова там наша.
- А это, выходит, не родина? – съязвил посол.
- И это родина, – с достоинством отвечал один из казаков. – Рязанского князя мы люди служилые, а бежали сюда от бояр московских да дворян государевых.
- Прежде отцы наши служили Государю, и воевод московских у них не было, – вступил в разговор атаман, – служили своими головами. Мы тоже готовы служить Государю, но своими головами, без начальства. А здесь мы обживаемся, уже породнились с соседями. Помогаем друг другу. Мы посоветовали нашим братьям – кабардинцам обратиться за помощью к царю русскому.
- Вот я и прибыл сюда посмотреть на черкесские земли. Пообщаться с народом, прознать, правду ли говорят их князья, просясь под покровительство государя нашего Иоанна Васильевича. Да и на вас посмотреть – казачью вольницу.
- А откуда вы про нас знаете? – задал кто-то вопрос.
- Земля, говорят, слухами полнится, – отвечал Щепотьев. – Царь про вас знает, и мне крепко-накрепко приказал проведать про вас и дать ему ответ. Большие он на вас надежды имеет.
- Казаки после этих слов низко поклонились послу. А он продолжал:
- Если свобода для вас самое главное, то живите. Но раз вы открылись, я готов вам помочь.
- Помоги.
- Кто наместник Бога на земле? – продолжал посол. – Царь! Вы должны его любить и почитать, как отца родного, ибо он у нас один, а нас много. Государь с вас лишнего не спросит, но если будет требование к военной службе – это должно исполнить безоговорочно, ибо без этого нельзя, ибо все оное для всеобщей пользы и для порядка государству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.